

Марина

Голубева

ЛИБЕРИЯ

16+

Марина Голубева

Либерия

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Голубева М. В.

Либерия / М. В. Голубева — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Совсем недавно студент-историк Алексей Артемьев вернулся из гламурного и коварного XVIII века, где он смог добыть мощнейший артефакт для таинственного мага графа Сен-Жермена. Правда, вернулся он оборотнем, и теперь угроза превратиться в кровожадного монстра стала его постоянным кошмаром. И вот Алексей снова отправляется в путешествие во времени, выполняя задание графа Сен-Жермена. Ему предстоит найти Либерию – таинственную библиотеку Ивана Грозного в Москве начала XVII века. В это Смутное и жестокое время даже выжить непросто, а Алексею предстоит и найти нужную книгу, и обрести друзей и возлюбленную, и справиться со своим внутренним зверем.

Содержание

Либерия	5
Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	30
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Либерия

Под кровом вечной тишины,
Среди лесов, в глуши далекой
Живут седые колдуны;
К предметам мудрости высокой
Все мысли их устремлены;
Все слышит голос их ужасный,
Что было и что будет вновь,
И грозной воле их подвластны
И гроб и самая любовь.
(А. Пушкин)

Пролог

В московских храмах отслужили обедню. Звон колоколов, ставший привычным за год жизни в стольном городе, затих, уступив место вязкой и сонной тишине. До настоящих сумерек было еще далеко, но холодный свет зимнего дня с трудом проникал сквозь небольшие оконца. Тени от свинцовых переплетов, падали на пол и стены, создавая впечатление опутавшей комнату паутины.

Петр Аркудий передернулся от страшных воспоминаний и торопливо зажег свечи. Дрожащий оранжевый свет смыл неприятное видение, но тени не исчезли совсем, а расплзлись по углам и затаились в ожидании своего часа. Стараясь не обращать на них внимания, посланник кардинала Сан-Джорджо с тоской посмотрел на лежащий перед ним чистый лист бумаги.

Посольство, больше года гостившее в Москве, наконец, завершило свои дела и готовилось к отъезду. Даже тайное задание, с которым Аркудий был направлен в русскую столицу, было выполнено, хоть он на это уже и не надеялся. Легендарная библиотека царя Ивана, прозванного Грозным, все-таки, была найдена. Только вот радости от того, что миссия удалась, посланник не испытывал. Да и можно ли это назвать удачей? Если в Ватикане узнают не только о том, что Либерия, действительно, существует, но и о том, какие книги там хранятся? В Европе достаточно сумасшедших, которые готовы рискнуть жизнью ради тайного знания древних магов.

Конечно, кардинал Сан-Джорджо постарается сохранить донесение в тайне, в первую очередь, для того, чтобы единолично воспользоваться информацией. Но как долго останется тайным, доверенное бумаге?

Наконец, Петр Аркудий решился, и остро заточенное перо зашкряпало по бумаге, оставляя ровные, аккуратные строчки.

«О греческой библиотеке, —относительно которой некоторые ученые люди подозревают, что она находится в Москве, — при всем нашем великом старании, а также с помощью авторитета господина канцлера не было никакой возможности узнать, что она находилась когда-нибудь здесь. Да и вообще великие князья московские — люди необразованные...»

Глава 1

В Питере Алексей оказался совершенно случайно – приехал на экскурсию со своими однокурсниками. Но, устав бродить по залам музеев среди мертвых вещей, он сбежал и долго гулял по улицам и переулкам Северной столицы. Промозглый ветер, дувший с Невы, пробирал до костей и сыпал за воротник хлопья мокрого снега. Молодой человек смотрел на вычурные фасады особняков, витрины магазинов, на озябших людей, спешащих укрыться в метро от холодного ветра, и испытывал странное чувство – город был знакомым и, в то же время, чужим.

Алексей помнил парусники на Неве, лодки, причаливающие прямо к лестницам дворцов на набережной, стук топоров на верфях Адмиралтейства и торжественные звуки полонеза на балу у канцлера Воронцова.

Жизнь обычного, не слишком прилежного студента-историка изменилась, когда два месяца назад на раскопках он нашел волчий клык. Череда странных событий закинула парня в Питер восемнадцатого века, разбив привычный уклад жизни и навсегда изменив его сущность – домой он вернулся оборотнем.

Уставший и продрогший на ноябрьском ветру, молодой человек вышел к Александринскому театру и замер перед памятником Екатерине II. Он встречался с этой женщиной и знал ее молодой и удивительно обаятельной без того холодного величия и высокомерия, которое сумел передать скульптор. Странно и жутко было осознавать, что Софи мертва уже более двухсот лет.

Здесь в парке перед Александринским театром и произошла встреча с человеком, которого студент Алексей Артемьев меньше всего ожидал увидеть в Петербурге двадцать первого века.

Молодой человек посмотрел на сидевшего впереди мужчину, уверенно сжимавшего руль холеными пальцами, и вспомнил высокомерного аристократа, в черном камзоле и расшитом золотым галуном кафтане. Впрочем, высокомерия и сейчас у него было более чем достаточно – после того, как пригласил в машину, даже не взглянул ни разу. В восемнадцатом веке, мужчину звали граф Сен-Жермен, и он считал Алексея своим учеником, правда, неожиданным и не совсем желанным.

Еще недавно молодой человек был зол на графа. Он винил Сен-Жермена во всех бедах и негодовал, считая, что тот бессовестно его использует. Потом, правда, понял – граф сам оказался игрушкой в руках хитрого Локи, в очередной раз планирующего разрушить мир. Алексей был бы даже благодарен ожившему мифологическому персонажу за «экскурсию» в эпоху императрицы Елизаветы. Если бы не одно «но». Вернулся из этой «экскурсии» не человек, а оборотень, который очень быстро мог превратиться в кровожадного монстра. Тогда Алексея спас Сен-Жермен, подарив браслет-оберег, сдерживающий зверя. И вот теперь этот браслет разрушался. Дикая зверь, рвался на свободу, и последние два месяца молодой человек жил в страхе, что однажды ночью студент Артемьев сгинет, уступив место волку.

Встреча с графом в Петербурге двадцать первого века, конечно, удивила, но не слишком – от великого мага и интригана можно было ожидать чего угодно. Тем более, как понял Алексей, Сен-Жермен и раньше путешествовал во времени. Эта явно не случайная встреча одновременно радовала и пугала. С одной стороны, молодой человек испытал чувство облегчения от того, что можно будет решить проблему с браслетом. С другой стороны, Сен-Жермен ничего не делает просто так и никогда не стал бы разыскивать бывшего ученика исключительно из альтруистических побуждений. Граф играл в свои игры, и, похоже, Алексею снова придется в них поучаствовать.

Погруженный в воспоминания, молодой человек молчал. Спрашивать о чем-либо сейчас было бессмысленно – граф скажет сам все, что посчитает нужным. А Алексея, по большому счету, интересовал только один вопрос, но с ним можно подождать.

Не доезжая до Дворцовой площади, машина свернула налево, попетляла в узких переулках и остановилась у небольшого трехэтажного особняка. Алексей вышел и замер, пораженный – это был тот самый дом, в котором он проснулся солнечным сентябрьским утром 1759 года. Только за 250 лет особнячок приобрел третий этаж, да еще на фасаде красовалась яркая вывеска с надписью «Антикварный магазин «Артефакт», и чуть ниже более мелкими буквами: «ООО «Граф Солтыковъ и компания».

– Э-э-э-э... – протянул молодой человек удивленно, слова куда-то испарились.

– Да, это тот же дом. Мне стоило немалых трудов сохранить его. Но я человек привычки, да и средства, как вы понимаете, позволяют.

– А кто такой Солтыков? – задал Алексей, пожалуй, наименее сейчас значимый вопрос.

– Я. Честь имею представиться: Солтыков Михаил Александрович. Здесь и сейчас меня зовут именно так, – граф усмехнулся, но глаза его были холодны и серьезные.

– Но, а как же?..

– Давайте, пройдем в дом, Алексей Дмитриевич. Не стоит беседовать на улице о серьезных вещах. Я надеюсь, смогу отчасти удовлетворить ваше любопытство. Кстати, вы меня приятно удивили своим молчанием. По крайней мере, сдержанности вы научились.

Сен-Жермен провел его на второй этаж в кабинет. Там почти ничего не изменилось: такой же пестрый ковер на полу, массивный письменный стол и большое старинное зеркало в резной оправе. Только в простенке у окна уютно устроились современный компьютер и офисный факс.

Подойдя к столу, Алексей замер – с небольшой миниатюры на него с улыбкой смотрела молодая женщина в старинном платье. Та, с которой он встретился на балу у графа Воронцова и гулял по аллеям Летнего сада. Та, которая ему доверилась и чуть не погибла по его же вине. Цесаревна Екатерина, будущая великая императрица.

– Что с ней? – спросил Алексей, осторожно беря в руки хрупкую вещицу.

– Сейчас? – граф удивленно приподнял брови.

– Нет, конечно, – смутился молодой человек. – Тогда... там в подвале, когда... когда меня убил некромант. Что с ней случилось?

– Ничего страшного, – граф пожал плечами. – После того, как вас, юноша, совершенно неожиданно забрал предводитель Дикой охоты, мы отвезли цесаревну в дом на Итальянской улице. Она ничего не помнила, кроме того, что ее похитили и напоили сонным зельем. Екатерина была очень благодарна и спрашивала о вас. Я сказал, что вы погибли, спасая ее. И это была абсолютная правда, не так ли? Цесаревна очень расстроилась. Кстати, эта миниатюра на слоновой кости – ее подарок за спасение, и она по праву принадлежит вам, и вы ее, несомненно, получите, – Сен-Жермен, забрал портрет из рук Алексея и поставил его обратно на стол, – когда вернетесь.

– Вернусь? Откуда? – насторожился молодой человек. Его предположения оказались верными, граф снова хочет его впутать в какую-то магическую историю.

– А вот об этом мы сейчас и поговорим. Посмотрите на зеркало.

Алексей подошел к древнему магическому артефакту и с удивлением увидел, что темную матовую поверхность пересекают две глубокие трещины, а один из кусков уже начал крошиться.

– Его кто-то уронил? – сочувственно спросил молодой человек, помня, как ценил Сен-Жермен этот артефакт.

– Уронил?! Его никто не ронял, просто один недоумок оказал столь тотальное воздействие на историю, что зеркало, связанное с прошлым и будущим, не выдержало. Вы не дога-

дывается, кто этот недоумок?! – Сен-Жермен был, видимо, сильно раздражен и его традиционная выдержка, как и зеркало, дала трещину.

Молодой человек понял, о чем говорит граф. Недоумком, оказавший тотальное воздействие на историю, был он, Алексей Артемьев. Тогда, в восемнадцатом веке, опрометчиво поверив Локи, он открыл сильнейший артефакт – Клык Фенрира, тем самым, подтолкнув мир к уничтожению. Правда, потом, исправил свою ошибку и исполнил пророчество, но зеркалу это, видимо, уже не помогло.

– Я не хотел... – пробормотал смущенный молодой человек, – меня подбил Локи. Вы же знаете...

– Меня не интересуют ваши объяснения и оправдания, – рассерженно прервал Сен-Жермен, – сейчас на это нет времени. Зеркало продолжает разрушаться, а это настоящая трагедия. Вы даже не представляете, насколько оно для меня важно! Без него я не могу путешествовать в прошлое.

– А я думал, оно позволяет видеть будущее?

– Свое будущее нельзя увидеть, в него нельзя попасть, так как его еще нет. Видеть можно минувшее, и путешествие возможно лишь в прошлое.

– А как же вы? Вы же сейчас в двадцать первом веке, – спросил Алексей, уже понимая, каков будет ответ.

– Потому что я – ваш современник... ну, или почти современник. Но сейчас не время говорить об этом, – остановил Сен-Жермен Алексея, попытавшегося начать расспросы. – Когда-нибудь я расскажу вам свою историю. А сейчас надо позаботиться о зеркале, пока оно совсем не рассыпалось. Вам предстоит разыскать то, что поможет восстановить артефакт.

– Почему опять я? – возмутился молодой человек. – Снова нужен оборотень?

– Нет, ваши способности к перевоплощению в волка здесь ни при чем. Просто, это же по вашей вине произошло, вам и исправлять... Так вот, – начал граф, сев за стол и указав Алексею на стул напротив. – Как изготавливать подобные зеркала, описано в книге одного итальянского алхимика XIII века. Называется она «О пользе зеркал». Правда, речь там идет только о самом стекле, а не о раме, которая уникальна. Но рама, к счастью, не пострадала. В XV веке эту книгу привез в Москву Аристотель Фиорованти¹ и спрятал ее вместе с другими книгами царской библиотеки в специальном хранилище. Потом его стали называть Либерией.

– Либерия?! – воскликнул молодой человек. – Но она же – миф!

– Это сейчас она миф, а в прошлом была реальностью, во всяком случае, до конца XVII века. Я знал человека, который видел библиотеку и держал в руках книги из нее. Но, к сожалению, не расспросил его о библиотеке подробнее, – граф расстроено вздохнул, – тогда мне это было ненужно. Поэтому вам придется отправиться в начало XVII века и самостоятельно узнать, где находится Либерия, проникнуть туда и достать книгу.

– Это невозможно, ваше сиятельство! – возмутился Алексей, поняв, что ему предстоит искать иголку в стоге сена в одиночку в чужом мире.

– Нет ничего невозможного, друг мой. И у вас будет очень хороший проводник – деньги, причем, немало. Я верю, вы справитесь. Вы уже продемонстрировали свою способность выпутываться из сложных ситуаций, так же как и волю к борьбе, упорство и силу духа.

В иное время и в устах другого человека подобная оценка Алексея бы порадовала. Но сейчас он понимал, что хитрая бестия – граф, просто, манипулирует им.

– И когда мне предстоит отправиться на поиски книги? – спросил молодой человек.

– Сейчас. – Сен-Жермен поднялся из-за стола и, нервно потирая руки, прошелся по комнате. – Тянуть нельзя – либо разрушится зеркало, либо рассыплется ваш браслет. Сам я отправиться не могу. Поврежденное зеркало не способно поддерживать постоянную активность, и

¹ Аристотель Фиорованти – итальянский архитектор, инженер, построивший Успенский собор в Московском Кремле.

должен быть кто-то, кто будет корректировать настройку. Кроме меня, это никто не сделает. Я приготовил вам соответствующую одежду. В качестве оружия выбрал клевец, особого умения он не требует, а сила у него убойная. В сумке все необходимое, в том числе, и деньги – серебро в кошельке, а золото я зашил в пояс. Постарайтесь его, по возможности, не доставать. Поверьте, мне жалко не золота, а вас. XVII век – время лихое, и не стоит вводить людей в искушение. Вы получите письмо к одному моему... знакомому. Его зовут Николо Фрязин, и он держит трактир в Немецкой слободе. Впрочем, не особо рассчитывайте на помощь этого человека, но приютить вас он не откажется.

– Э-э-э... подождите, ваше сиятельство! – возмутился совершенно растерявшийся от такого напора Алексей. – А если я откажусь?

– Это ваше право, – насмешливо выгнул бровь граф. – Я вас не держу. С неделю вы еще поживете человеком, ну, может, и две протяните. А потом Алексей Артемьев просто исчезнет, а вместо него появится кровожадный монстр. – Молодой человек дернулся, испуганно посмотрев на разваливающийся браслет. – Я же без проблем смогу найти человека, который принесет мне книгу за деньги. За большие деньги. Следовательно, я сделаю вам одолжение – обновлю оберег и заплачу за работу. Думаю, хорошая машина вам не помешает?

Алексей тоже считал, что машина будет совсем не лишней, но главное сейчас не это, а амулет, предохраняющий от превращения в зверя.

– А если я не смогу найти книгу? – спросил молодой человек, уже принявший решение.

– Сделка есть сделка, – Сен-Жермен пожал плечами. – Вы мне – книгу, я вам – регулярное обновление оберега и денежную компенсацию. Нет книги – не будет и браслета. Впрочем, дело тут не в моем нежелании вам помочь, хотя, я думаю, вы уже поняли, что я далеко не альтруист. Если зеркало разрушится, то я в скором времени погибну. Вот так.

– Почему? – Алексей все еще не оставил надежды проникнуть в тайну этого странного человека.

– Это долгая история, – отмахнулся граф. – Я когда-нибудь вам ее расскажу, а сейчас нет ни времени, ни настроения.

– Хорошо, я согласен, – обреченно вздохнул молодой человек. А что оставалось делать? Выбора-то, все равно, не было. – А как я вернусь обратно?

– Для этого вам потребуется обычное зеркало. Достаточно только представить мой кабинет, сделать шаг вперед, и артефакт перенесет вас сюда. Небольшое зеркальце я положил в сумку – в начале XVII века такие вещи были редкостью. В крайнем случае, сгодится любая отражающая поверхность, например, чистая вода в ведре, но, все же, лучше зеркало. И еще. Синхронизировать настройки артефакта сейчас сложно, поэтому вернуться вы должны в первой половине дня, до того, как в церквях начнут служить обедню. Помните об этом.

А теперь займемся оберегом. Другого такого браслета у меня нет, но я придумал, что можно сделать. Протяните руку.

Граф провел пальцами по браслету и накрыл его ладонью.

– Сейчас будет немного больно. Потерпите.

Запястье обожгло, впечатление было такое, словно оберег плавился, и капли раскаленного камня просачивались сквозь кожу до самой кости. Алексей взвыл, дернулся, но граф на него сердито цыкнул, удерживая руку. Впрочем, неприятное ощущение длилось всего несколько секунд, сменившись приятным теплом.

– Вот и все, – Сен-Жермен убрал руку, и молодой человек увидел вместо браслета яркую татуировку – его точную копию. – Это даже лучше – не потеряете, и никто не снимет. Продержится недели две, если не будете перекидываться, то и больше, а потом нужно будет регулярно подновлять. Так что, постарайтесь уложиться в это время. Если какие-то детали узора исчезнут совсем, то восстановить их будет, скорее всего, невозможно. А теперь идите, одевайтесь.

Алексей натянул непривычную одежду, сунул за пояс кеврец – небольшой украшенный серебряной насечкой топорик с узким лезвием и четырехгранным острием вместо обуха, перекинул через плечо большую холщовую сумку и, комкая в руках, лисий треух подошел к Сен-Жермену. На душе было муторно и страшно. Казалось, он стоит на краю пропасти, куда должен вот-вот шагнуть в надежде, что научится летать. Граф совсем не дал времени подумать, подготовиться, но это, наверное, к лучшему.

– Чуть не забыл, – Сен-Жермен протянул молодому человеку серьгу – простенькое бронзовое колечко. – Возьмите, это переводчик. Речь людей того времени сильно отличается от современной, без серьги вы ничего не поймете. А так, даже говорить сможете, не сразу, правда, а когда артефакт накопит достаточный словарный запас. Вот теперь, все. Идемте к зеркалу.

Граф сделал несколько глубоких вдохов, сосредотачиваясь, легко коснулся рукой фигур на резной раме, и зеркало засветилось сиреневым светом. Там где, его пересекали трещины, свет тускнел и принимал грязно-серый оттенок.

– Видите, что творится? – сокрушенно покачал головой Сен-Жермен. – Целые сектора истории, целые эпохи теперь недоступны. Хотелось бы отправить вас к самому синьору Фиорованти, тогда все было бы значительно проще. Но, к сожалению, сейчас это невозможно. Я проверял – самый стабильный переход в первую половину XVII века. Время это тяжелое и беспокойное, но я постараюсь, чтобы вы попали в самое начало этого века.

Сен-Жермен что-то еще повернул на раме, произнес несколько непонятных слов, внимательно взгляделся в зеркало и удовлетворенно кивнул.

– Ну вот, можете отправляться, – и, заметив страх и нерешительность Алексея, насмешливо произнес, – Или вас подтолкнуть?

– Я сам, – буркнул молодой человек и шагнул в зеркало.

Глава 2

Алексей вдохнул морозный воздух, головокружение прекратилось, и он снова смог видеть что-то, кроме мелькающих разноцветных пятен. Сложившийся из осколков мир, был почему-то черно-белым.

Окончательно проморгавшись, молодой человек понял причину такой монохромности – он оказался на дороге посреди занесенного снегом поля. С белой равниной почти сливалось низкое серое небо, лишь справа на снежном полотне торчали черные зубы далекого леса. Мир казался замерзшим и мертвым. Но если мыслить позитивно, то можно порадоваться, что очутился на дороге, а не в чистом поле. Судя по верхушкам почти занесенных кустов, снега намело немало, и пробираться по сугробам было бы непросто.

Поразмыслив некоторое время над тем, в какую сторону идти, Алексей решил пожить на удачу. В конце концов, если есть дорога, то она явно куда-то ведет, а стоять в раздумьях холодно и бессмысленно. Многочисленные следы конских копыт и полозьев внушали уверенность, что поблизости, если и не Москва, то хотя бы крупное село. А там и направление можно узнать поточнее.

Дальше строить планы не хотелось. Путешественник во времени не имел ни малейшего представления о том, как он найдет библиотеку Ивана Грозного, а тем более, каким образом добудет нужную графу книги. Только сегодня утром он снова встретился с Сен-Жерменом и, казалось, теперь жизнь станет спокойнее. Но сразу пришлось отправляться далеко не в самый приятный век. То, что было известно о Смутном времени, оптимизма не внушало.

Убийство малолетнего царевича Дмитрия – последнего из династии Рюриковичей и приход к власти «худородного» Бориса Годунова породили смуту, семена которой давно уже зрели в русской земле, пропитанной кровью казненных в эпоху опричнины. Зашевелилось притихшее при Иване Грозном боярство. Представители высшей знати, призванные быть цветом нации, исходили ядом лютой ненависти к царской власти, лишившей их привилегий, презирали простой народ и, случалось, предавали интересы страны ради сомнительной сиюминутной выгоды.

Несколько неурожайных и холодных лет стали причиной голода, от которого вымирали целые деревни. По стране покатались крестьянские бунты, а шайки озверевших от голода, произвола и безвластия мужиков грабили на дорогах. Служители церкви не столько старались примирить озлобленных людей, сколько ловили рыбку в мутной воде. Бесновались фанатики, потрясая крестом, кричали о карах божьих, призывали каяться, обещали новый глад и мор, грозили страшным судом. Пока те, кто претендовал на власть, грызлись между собой вокруг Российского трона, внешние враги уже примеряли шапку Мономаха.

Сен-Жермен обещал, что в самое пекло Смуты Алексей все же не попадет, рассчитывая, на 1600-1601 год. Правда, Алексей графу не то чтобы не верил, но, все же, относился к его словам настороженно. Сен-Жермен если и не врал, то частенько недоговаривал. Хорошо, хоть этот период российской истории молодой человек знал неплохо, даже читал документы, пытаясь разобраться в хитросплетениях боярских интриг, а значит, есть шанс не попасть впросак. Здесь, в отличие от 18 века, никто не подскажет и не дернет за рукав, если сделаешь что-то неправильно.

Чтобы отвлечься от неприятных мыслей, Алексей решил пробежаться, последнее время он делал это с удовольствием. Снег под ногами хрустел веселее, и настроение немного улучшилось. От быстрого бега стало жарко, а клубы пара изо рта оседали на овчинном воротнике пушистым инеем. Впереди показалась развилка: более широкая и укатанная дорога поворачивала направо, ближе к лесу, а прямо впереди виднелись черные избы и деревянная церквушка

с покосившимся крестом. Оттуда тянуло дымом, запахом скотины и людей. Решив, что лучше сначала зайти в селение, Алексей направился прямо, хотя встреча с людьми шестнадцатого века пугала. Как они воспримут странного незнакомца?

«Все же, тяжело одному, – думал Алексей, – и посоветоваться не с кем, и помощи ждать неоткуда». В прошлый раз рядом был Сен-Жермен, который, несмотря на все странности, старался помочь. И еще добродушный Семен, опекавший как заботливая нянька. Молодой человек успел привязаться к старому солдату и теперь жалел, что даже не спросил графа о нем. Не до того было.

Сельцо с убогими, закопченными избами и покосившимися заборами производило удручающее впечатление и казалось вымершим. Но, судя по протоптанным тропинкам, народ здесь обитал. Алексей уже подумывал, не постучаться ли в одну из развалюх, когда из ворот неподалеку выскочил старик в драном тулупе и поковылял по улице, опираясь на клюку.

– Эй, любезнейший! – окликнул молодой человек.

Дедок подпрыгнул от неожиданности, оглянулся и метнулся обратно к воротам. Но Алексей в два прыжка оказался рядом и схватил беглеца за рукав.

– погоди, я спросить только хотел...

– Изыди! Зашибу сейчас! – заорал старик и замахнулся клюкой.

– Да ты что, сдурел?! – опешил Алексей, перехватывая суковатую палку. – Чего дерешься?

Дед дернулся, выворачивая руку, рухнул на колени и, уткнувшись лицом в снег, жалобно забормотал что-то невразумительное. Речь его показалась Алексею странной – вроде и русская, но чужая и понятная, скорее, по смыслу и интонации.

– Перестань, дед! Хватит поклоны бить, я тебе не боярин и не поп, – Алексей поднял старика за воротник, почувствовав, как тот опасно затрещал, поставил на ноги.

– А ты пошто меня замаешь? – дрожащим голосом пробормотал старик. – Нечего у меня взять... Нету ничего...

– Да ты не бойся, – молодой человек начал понимать, о чем говорил старик – заработала серьга-переводчик. – Ничего мне от тебя не надо, я только спросить хочу.

– Спросить? – дедок шмыгнул носом, вытер засаленным рукавом мокрое то ли от снега, то ли от слез лицо. Он перестал трястись, но смотрел зло и настороженно. – А сам ты кто? Откель взялся? Ишь, морда какая-то иноземная...

– Я путник, – Алексей осторожно подбирая слова, стараясь говорить с теми же певучими интонациями, что и дед. – С обозом ехал, но отстал. Вот до Москвы добираюсь, только, кажется, заблудился. Далеко ли до Москвы-то? И где все?

Старик, видимо, совсем успокоился, сердито дернул рукой, освобождая рукав, и проворчал себе под нос:

– И правда, иноземец, и говорит по-чуждому... Чего один тут шастает? – Затем, обращаясь уже к Алексею, махнул рукой куда-то в сторону. – Там Москва-то, недалече. Кабы не свернул с дороги, а так прямо и топал, то, как раз, туда и пришел бы. Только теперь засветло, все равно, не поспеешь.

– А у вас в деревне переночевать можно?

– Не деревня у нас, а село! Церковь, эвон, отсель видна. Сельцо наше к Андроникову монастырю приписано. – Старик гордо выпятил грудь, вздернул клочковатую бороденку, словно сам был настоятелем этого монастыря.

– Народ ваш где? – допытывался Алексей.

– Народ-то? Дык, все колдуна жечь побежали. Вот и я, было, побежал, да ты поймал. – Старик отряхнул снег с бороды и с тревогой посмотрел на молодого человека. – Грабить точно не будешь?

– Вот, дурной, – Алексей досадливо покрутил головой, – зачем мне тебя грабить? Ты, лучше скажи, что за колдун такой?

– Да кто ж его знает? Зим пять тут живет. Забрел откуда-то и в лесу поселился. А тут указ из монастыря пришел, чтобы, стало быть, поймать и сжечь. Ты бы отпустил меня, а то и не увижу.

– А я и не держу тебя, – пожал плечами парень.

Станный старик бочком, как ворона, отскочил от Алексея и потрусил по улице, опасно оглядываясь.

Алексей замер размышляя: вернуться ли на дорогу и попытаться добраться до Москвы, пока не стемнело или же заночевать здесь. Хоть после встреч с некромантом и его зомби в XVIII веке молодой человек утратил изрядную долю чувствительности и пугливости, предстоящая казнь внушала отвращение и страх. Конечно, молодой человек знал – колдунов и ведьм жгли не только в Европе, но и в России, а время, в которое он попал, было лихое и недоброе. Но столкнуться с этим в реальности? И нравы в это время были дикие, поэтому попытка помешать расправе над непонятным колдуном может выйти боком, но просто так уйти было сложно. Алексей сжал зубы, уговаривая себя не вмешиваться, не лезть со своим уставом в чужой монастырь. Ничего не добьешься, разве что, будешь полыхать на соседнем костре, а значит нужно идти. Тем более, зрелище жестокой казни, вряд ли, можно назвать увлекательным.

Молодой человек передернул плечами и уже собрался повернуть назад, как до него донеслись крики и шум голосов. Из узкого проулка вывалилась толпа галдящих людей. Мужики, одетые в зипуны, растоптанные лапти и лохматые шапки, женщины в платках, подметающие снег подолами юбок и радостно визжащие дети. Несколько человек, пыхтя и ругаясь, тащили бревна. Толпа была небольшая – человек тридцать, но шумная.

Терпкая смесь запаха пота, страха, злобы и крови заставила Алексея отшатнуться к стене дома и прижаться к разошедшимся от времени бревнам, стиснув зубы, чтобы сдержать рычание – его звериная сущность, почуяв кровь, рвалась на волю.

Впереди шли два человека в длиннополых кафтанах грязно-бурого цвета, тащившие старика со связанными за спиной руками. Пленник с трудом переставлял ноги, не поспевая за широким шагом конвоиров, время от времени обвисал у них на руках и волочился по снегу. Он был одет лишь в рваную рубаху, из прорех которой выпирали острые лопатки. Длинные седые волосы, слипшиеся то ли от растаявшего снега, то ли от крови, закрывали лицо. Еще двое в кафтанах с широкими топорами на длинных древках подгоняли стрика сзади. «Стрельцы с бердышами», – всплыло откуда-то из глубин памяти. Толпа поравнялась с Алексеем, скрыла от него пленника и конвоиров и покатила дальше по улице, злобно ворча и потея от страха.

Парень некоторое время смотрел на спины удалявшихся людей, затем решительно направился следом. Он и сам не мог понять, что его влекло к месту казни. Предчувствие каких-то важных событий? Любопытство? Или неотвратимое желание доказать себе, что вмешательство невозможно, и он, Алексей, действительно не сможет ничем помочь? Просто уйти казалось малодушием и трусостью.

Толпа, гомоня, выкатилась за околицу, сгрудилась неподалеку от маленьких, почерневших домиков, скорее всего, бань. Несколько мужиков, скинув с плеч тяжелые бревна, что-то азартно обсуждали с толстяком в длинной шубе нараспашку. Из-за его плеча заинтересованно выглядывал высокий человек с козлиной бородкой, но в спор не ввязывался.

Толстый, или как в те времена говорили, дородный, человек был явно недоволен. Он хрипло ругался и топал ногами. Но мужики не уступали, и до Алексея долетала только многоголосая брань, лишённая какого-либо смысла. Остальная толпа увлеченно наблюдала за спорщиками, время от времени подбадривая то одну, то другую сторону. Нужно было как-то устанавливать контакт с местными жителями, хотя бы для того, чтобы адаптироваться к непривычному времени, обычаям и речи, и молодой человек подошел поближе.

– А из-за чего они там ругаются? – спросил он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и заинтересованно.

Толпа раздалась в стороны, шарахнувшись от него как от заразного – чужих здесь явно не любили. Десятки глаз смотрели настороженно и оценивающе. Молодой человек уже приготовился рассказать душещипательную историю про несчастного путника, отставшего от обоза и потерявшего коня, как откуда-то сбоку выскочил давешний дед.

– Это немчин! – со знанием дела заявил старик, ткнув в Алексея клюкой. – От своих, вишь, отстал, да по бестолковости не на ту дорогу повернул. Вот и мыкается тута... Любопытствует, стало быть.

Селяне с легким сочувствием оглядели «бестолкового иностранца» и утратили к нему всякий интерес. Видимо, подобные происшествия были не в диковинку, в отличие от предстоящей казни колдуна. Никто не хотел отвлекаться на иноземца, чтобы не пропустить что-нибудь интересное. Только дед на правах старого знакомого или просто в силу присущей болтливости принялся словоохотливо объяснять, что тот, который пузатый – местный староста Тихон, по прозвищу Лапша, а рядом с ним Тимоха – целовальник здешний.

– Мужики-то бревна на сруб притащили, да мало, а еще раз идти никому неохота, да и вечереет уже. Пока туда-сюда ходят, совсем стемнеет. Негоже ночью божий суд вершить. Староста-то, вишь, предлагает со срубом не возиться, а в бане сжечь. Только каждому своей бани жалко. Вот и спорят.

Дед продолжал рассуждать, сравнивая достоинства разных бань, но Алексей его уже не слушал – тут все было ясно. Он обратил внимание на стоящего поодаль колдуна. Его все так же держали стрельцы, с интересом наблюдавшие за спором и, кажется, уже бившиеся об заклад, чью баню палить будут. Рядом с ними крутился маленький человечек. Длинный подол подрясника, выглядывавший из-под овчинного тулупа, и сбита на бок скуфейка говорили о том, что это местный служитель культа. Поп на спорщиков внимания не обращал, а ругался и плевался в колдуна, стараясь ударить того кулаком по лицу. Когда поборнику православной веры это удавалось, колдун дергался и мотал головой, стряхивая на затоптанный снег алые капли крови. Наконец один из стрельцов, попридержав рьяного служителя культа, начал что-то ему укоризненно выговаривать. Но поп вырвался, затряс кулаками, и до Алексея донеслось: «Анафеме предам! Нечестивому пособляешь?!» вперемешку с отборным матом.

Молодой человек покачал головой. Смотреть, как избивают беззащитного связанного старика, было противно, а вмешиваться глупо. Силы не равны, помочь – не сможешь, только себе костерок рядом обеспечишь.

– Мужики, а за что его жечь-то собрались? – обратился он к стоящим рядом крестьянам.

– Знамо дело, за что, – мрачно буркнул один из них, – за колдовство.

– Он, колдун-то, тут в лесу живет, а где – никто не знает, – снова встрял дед с клюкой. – Отец Паисий сказывал, будто это он недород нынче наслал, да и ранние морозы – его же рук дело. Слыхано ли дело, на Семиона Столпника уже снег лег! Жито убрать не успели, так часть под снегом и осталась. А отец Паисий у нас, ого-го, герой! Ишь, как кочетом наскакивает! Он сам колдуна-то поймал, когда тот из леса выполз. Хорошо стрельцы рядом были, а то не известно еще, кто бы кого одолел.

– Чего ты языком попусту мелешь, Ширяй! – вмешался сивый мужик в лохматом малахае. – Знамо дело, вера православная сильнее, одолел бы поп колдуна.

– Вера, вера... – бурчал дед. – Вера, оно, конечно... Колдун-то старым богам кланяется, да говорят, больно силен. Как бы пакостить не стал. Проклянет, не ровен час, нас...

– Да не каркай ты, дурья башка! До старости дожил, а ума не нажил. – Сивый аж в сердцах плюнул.

Стоящий рядом с ним мужик, зло глядя на болтливую Ширяя, уже закатывал рукава. Дед ойкнул и попятился, стараясь побыстрее исчезнуть с глаз рассерженных односельчан.

Отец Паисий, видимо утомившись, оставил пленника в покое, отошел в сторону и бормотал себе под нос – то ли ругался, то ли молился. Колдун поднял голову и повернулся к толпе. Молодой человек впервые увидел его лицо – старое, изрезанное морщинами и залитое кровью. Сквозь свисающие прядями волосы яростно сверкали зеленые глаза. Старик обвел толпу высокомерным и презрительным взглядом и наткнулся на Алексея. В глазах колдуна мелькнуло удивление, он усмехнулся, разбитые губы беззвучно шевельнулись, словно старик хотел что-то сказать, но передумал.

У Алексея внезапно закружилась голова, застучало в висках, но, впрочем, это быстро прошло, и молодой человек отчетливо понял, что смотреть на то, как будут сжигать человека, не хочет. Надо либо срочно уходить отсюда, либо... попытаться его спасти. Второй вариант нравился больше. Конечно, он не собирался лезть в драку с вооруженными стрельцами, которых, несомненно, поддержат местные жители. Но можно попробовать другое средство. Алексей запустил руку за пазуху, нашарил в кошеле монетку покрупнее и, зажав ее в кулаке, направился к старосте.

Заметив незнакомца, Тихон отвлекся от препирательств с мужиками, тем более, спор явно зашел в тупик и превратился в ленивое переругивание с припоминанием прежних обид.

– Ты кто таков?

Представитель местной власти настороженно оглядел Алексея. Оценил простой, но новый жупан², сапоги из дорогого сафьяна, зацепился взглядом за висящий на поясе клевец³ с серебряной насечкой, хмыкнул, потерял бороду. Было видно – Тихон в растерянности, так как не может определить статус чужака и поэтому не знает, как себя с ним вести – то ли снимать шапку и кланяться, то ли нет. Алексей решил не демонстрировать свое превосходство – вопрос, с которым он собирался обратиться к старосте, был весьма деликатный.

– Вечер добрый, почтеннейшие, – начал молодой человек, тщательно подбирая слова. – Я – путник. С немецким обозом шел, да вот, по глупости своей отстал, коня волки задрали. Теперь пешком до Москвы добираться и по дороге в ваше селенье завернул.

– Наемник, стало быть, – староста облегченно вздохнул – перед наемником шапку ломать не надо. – А пошто завернул-то?

– Интересно стало, что тут такое происходит. – Алексей наивно и честно посмотрел в глаза Тихону.

– Интересно ему... – хихикнул молчавший до этого целовальник. – Немчин, что ли?

– Э-э-э... да, то есть, нет, – смешался молодой человек. – Ну, я иностранец, но не немец, а серб.

– Серб? – староста удивленно вскинул брови. – Это еще кто? Из татар али как?

– Нет-нет, – поспешил заверить Алексей. Еще не хватало, чтобы его басурманином считали. – Сербы – они православные рядом с болгарами живут.

– А-а-а... – равнодушно протянул Тихон. – Ну и что же тебе, серб, надобно?

– Да вот есть у меня к тебе, почтеннейший, важный разговор. Дорогой разговор, – добавил молодой человек, подойдя вплотную к старосте, и подбросил на руке монетку, так, чтобы стоящие поблизости мужики не заметили. – Отойдем на пару шагов, коль интересно.

Тихон, увидев блеснувший серебряной рыбкой увесистый тайлер, крикнул и вытаращил глаза. Затем спохватился, серьезно нахмурил брови, огладил бороду и проговорил:

– Ну, ладно, раз дело секретное и государственное, то, конечно, отойдем к сторонке, – кивнув Алексею, двинулся к ближайшей бане.

² Жупан – вид теплого полукафтана.

³ Клевец – древнерусское ударное холодное оружие с коротким древком, разновидность боевого топора с узким клинообразным лезвием и молотковидным обухом, благодаря чему использовался для нанесения как раздробляющих, так и колющих ударов. Применялся в 10-17 в.

– Какое дело у тебя ко мне, серб? – глаза старосты алчно блеснули, и молодой человек понял, что избрал верный путь.

– Я хочу, чтобы ты отпустил колдуна, – у Алексея не было никакого желания ходить вокруг да около и разводить политесы, как говаривали в памятном восемнадцатом веке.

Такое заявление повергло Тихона в изумление и растерянность, он даже поперхнулся и натужно закашлялся.

– Как же это?.. – староста категорически замотал головой. – Невозможно никак... Это ж... указ ведь был. Люди-то видели. Настоятель узнает – прикажет батогами бить... До смерти забьет – пошто мне мертвому твои деньги... Кабы не видал никто.

Было ясно, что староста разрывался между желанием получить деньги и страхом, перед наказанием, от одного представления о котором бросало в пот. Тихон вытер вспотевшее лицо рукавом шубы, на первой взгляд дорогой, но изрядно поношенной и поеденной молью.

– Вот, кабы как по-хитрому?.. – староста с надеждой уставился на Алексея.

– Да не трясись ты! – ухмыльнулся молодой человек. – Вот уж, действительно, Лапша! Все нормально будет. Ты сейчас скажи людям, мол, решил своей баней пожертвовать, ради народного блага, так сказать. А колдуна сжечь и поутру можно, тем более, к тебе важный человек по делу прибыл. Я, то есть. Запрешь колдуна в бане, ночью мы его отпустим, а утром пустую баню спалишь. Тут на баню, я думаю, хватит? – Алексей вложил в потную ладонь старосты серебряный тайлер. – А как старика освободишь, я тебе еще один добавлю. Глядишь, и домишко свой подновишь. Ну как, решился?

– А... а... ага, – растерянно пробормотал Тихон. – Только тебе-то что за дело до колдуна? Взгляд старосты снова стал колючим и подозрительным.

– Да какая тебе разница! Я же деньги плачу, и не малые, – усмехнулся молодой человек – Кстати, меня Лехом звать – Алексеем крестили. По прозвищу Артемий.

Тихон задумчиво покивал, потерял бороду, о чем-то размышляя, затем весело хохотнул.

– Ох, и ловок ты, пан Леха! – Хлопнул молодого человека по плечу и пошел к толпе.

Народ воспринял решение старосты довольно равнодушно – поворчал немного, что, мол, зря от дел оторвали, и разошелся по домам. Только отец Паисий, возмущенно рассыпая проклятия, подскочил к Тихону с требованием сжечь проклятого колдуна немедленно. Лицо попа покраснелось, глаза сверкали фанатичным огнем, а жидкая борода воинственно топорщилась.

– Ты кто такой?! – заорал он на Алексея. – Пособник нехристя окаянного?! Жги, Лапша, вместе с колдуном и этого щенка мокроносого, чтобы не встравал!

На молодого человека пахнуло смесью чеснока и перегара – отец Паисий был изрядно пьян и находился в том состоянии, когда мозги уже отключились, а все остальное функционирует само по себе.

– Э-э-э... отче, зачем ты буянишь? – староста миролюбиво придержал попа, с кулаками кинувшегося на Алексея. – Сожжем мы колдуна. А как же иначе? Только завтра, утречком. Нынче, гляди, уж смеркается. Да и ты, это... того, устал. Поди-ка домой проспись, то есть, выпись, отдохни.

Митроха, проводи-ка отца Паисия, – Лапша толкнул в бок целовальника, который растерянно хлопал глазами, видимо удивленный непонятным решением старосты, – а то, не ровен час, споткнется, да в сугроб завалится.

– А... этот как же? – кивнул головой целовальник в сторону стрельцов, заталкивающих колдуна в одну из бань.

– Этот-то? Все путем будет. Я тебе позже объясню. Ты попа проводишь – ко мне приходи, да человека понадежнее прихвати, не из болтливых. Дело есть.

– А... ага, – кивнул головой Тимоха.

Подхватив попа под локоток, целовальник потащил его в сторону церкви, игнорируя возмущенные вопли и проклятия поборника веры.

– Крут наш отче, ох, крут! – ухмыльнулся староста. – Чуть что не по его, так сразу кулаком в рыло захватить норовит, а то и крестом наперсным благословить может. – Тихон потер лоб, видимо, вспомнив о таком «благословении». – Ну, ништо! Отдохнет, с утра похмелится и пообреет. А может и вовсе забудет, о чем серчал. Пойдем ко мне, пан Леха, повечеряем, да и переночевать у меня можно – изба большая, места хватит. Али брезгуешь?

– Да, почему брезгую? – Алексей пожал плечами, подумав, что приглашение старосты оказалось очень кстати. – Спасибо за честь. Только, вот, старик-то не замерзнет в бане?

– Ну, ты скажешь, пан Леха! – Лапша захохотал, его объемистое брюхо заколыхалось, перевалившись через опояску. – В бане! Замерзнет! Вот немцы чудные! Не бойсь! – успокоил молодого человека староста, вытирая выступившие слезы. – Вчера топлено, там еще париться можно. Ничего с твоим колдуном не сделается. Что-то ты уж больно о нем заботишься, как о родном?

Тихон подозрительно глянул на Алексея, затем добродушно хмыкнул и махнул рукой.

– Да, мне-то что! Пойдем в избу, а то озяб я.

Короткий зимний день угасал, серая морозная мгла съедала его, превращая в царство смутных теней. Было непривычно и жутковато – ни одного огонька в округе, лишь кое-где мелькают тусклые пятнышки света, пробивающиеся сквозь затянутые бычьим пузырем окна крестьянских домишек. Даже луны не видно, низкие снеговые тучи кажутся тяжелыми, как бетонные плиты и такими же плотными.

Алексей шел, спотыкаясь, больше ориентируясь на чутье, чем на зрение. Наконец Лапша, уверенно пыхтящий впереди, толкнул скрипучую калитку. Откуда-то из темноты раздался хриплый лай, и к ногам лохматым клубком выкатился большой дворовый пес. Резко затормозил, всеми четырьмя лапами проехав по снегу, и сердитый лай перешел в утробное рычание. В глазах собаки красным огнем вспыхнуло бешенство, верхняя губа приподнялась, обнажая клыки, шерсть на загривке встопорщилась, но зажатый между задних лап хвост выдавал панический ужас.

– Что это с ним? – удивился Лапша. – Ровно дикого зверя увидел. Эй, Раздирай, ты чего это?

Пес, не обращая внимания на хозяина, пятился, опустив голову и рыча, затем взвизгнул и метнулся за дом, оставив после себя желтую лужу.

– Ну и ну! – покачал головой староста. – Кто ж его так напугал? Иль ты такой страшный, пан Леха?

Лапша хохотнул, но чувствовалось, что ему не по себе, да и перед гостем стыдно за позорное поведение своего пса.

– Конечно, это я такой страшный, особенно, когда голодный, – проворчал Алексей, думая, что это совсем не шутка. Затем добавил: – Да, пустое это. Видно, спросонья твоему псу невесть что почудилось.

– Может, и почудилось... – пробормотал староста и, скрипнув парой ступенек, прошел в дом.

Алексей потопал, сбивая налипший на сапоги снег, и поднялся следом. Уличная морозная тьма сменилась теплым, пахнущим дымом и скотиной сумраком сеней. Где-то в стороне слышались сопение и вздохи коровы. Почуяв Алексея, она забеспокоилась, замычала зачмокала копытами по соломе.

– Да, что с ними сегодня такое? – удивился Лапша. – Волк, может, из леса забежал, да по деревне шастает? Так Раздирай волка бы не забоялся...

Алексей, грустно усмехнувшись про себя, подумал, что на свете есть твари, значительно более опасные, чем обычные волки. И животные этих тварей чувствуют лучше людей. На ощупь

преодолев темные сени, вошел за хозяином в избу и на миг зажмурился – свет двух горящих лучин показался удивительно ярким. Сидевшая за прялкой женщина вскочила, со страхом рассматривая гостя и поправляя убрис, поклонилась.

– Здравствуй, хозяйка, – поприветствовал молодой человек, затем, опомнившись, покрутил головой и, найдя освещенные лампадкой образа, перекрестился.

Услышав, как одобрительно хмыкнул хозяин, Алексей порадовался, что вовремя вспомнил – до середины семнадцатого века на Руси крестились двумя перстами, а не щепотью.

– А я-то думаю, почему это Раздирай так лает, – облегченно вздохнула женщина.

– Дурак, вот и лает, – буркнул Лапша. – Чем языком молоть, на стол бы собрала. Не видишь – гость у нас?

Женщина тенью метнулась за печь и загремела там ухватом. На улице хлопнула, калитка, твякнул и замолчал пес, и хозяин, бросив: «Отдохни чуток, гляну, кто там пожаловал», – вышел.

Молодой человек присел на лавку и огляделся. Было интересно и одновременно неудобно. Алексей постоянно опасался сказать или сделать что-то не то и остро чувствовал свою чуждость этому миру. В восемнадцатом веке было проще. Возможно, потому что он долго не верил в свое перемещение во времени, или хватало других проблем. И еще сейчас Алексею не давал покоя запах опасности, хотя, вроде бы, пока ничего ему не угрожало. Но запах не пропадал. Вместе с ним появился мерзкий холодок, пробежавший между лопатками, отчего постоянно хотелось вздыбить шерсть и зарычать, оскалив клыки.

Обругав себя за излишнюю мнительность, парень начал разглядывать просторную, разделенную дощатой перегородкой избу. Правда, смотреть особо было не на что. Дрожащие огоньки лучин, вставленных в высокий кованный светец, освещали лишь широкий, выскобленный добела стол и незамысловатую прялку с комком кудели. Все остальное было каким-то зыбким и нереальным. Смутно угадывались широкие лавки и сундуки у стен, то ли шкаф, то ли поставец с посудой, да призрачной белесой тенью громоздилась печь. Тусклая лампадка, воняя горелым маслом, освещала закопченные образа на божнице. Тени от огонька метались по ликам, заставляя святых злобно кривиться и ухмыляться.

Хозяйка, не поднимая глаз, расставила на столе глиняные миски с дымящейся кашей, блюдо соленых грибов и ломти серого хлеба на деревянной тарелке. Открылась дверь, впустив в избу морозный воздух и запах хлеба, и вошедший Лапша, довольно потирая руки, сказал:

– Ну вот, дело сделано. Сейчас Митроха-целовальник заходил, так я ему наказал колдуна твоего выпустить, а баню снова запереть. Поделиться с ним, конечно, придется. Да, ты обожди, – остановил староста Алексея, потянувшегося за кошелем. – Утром расплатишься. Сам баньку проверишь и расплатишься. А то вдруг я тебя обманул? Негоже таким доверчивым-то быть.

Староста, огладив бороду сел за стол и подвинул к себе миску с кашей.

– Давай, пан Леха, откушай, благословясь, чем бог послал.

Алексей вслед за хозяином перекрестился и заработал ложкой. Он успел изрядно проголодаться, и даже нехитрая крестьянская снедь показалась, если не вкусной, то, по крайней мере, съедобной. Хозяин был задумчив и ел, молча, то ли соблюдая обычай, то ли не желая отвлекать гостя. Потом, словно спохватившись, заговорил:

– Ты уж не обессудь, пан Леха, коли скудно угощаю. Видишь, как нынче с урожаем-то туго – почти все под снегом осталось. Что по весне есть будем – не ведаю. А еще сеяться надо, да и монастырь свое требует. Ох, грехи наши тяжкие! – Лапша сокрушенно покачал головой. – По грехам господь и наказывает. Ну, авось, переждемся.

Староста помолчал, повздыхал, затем оживился:

– А что это мы всухомятку жуем. Кусок в горло не лезет. Вот сейчас я тебя взваром с липовым цветом попотчую. Самое то с морозу, да с устатку.

Лапша суетливо поднялся и направился в закуток за печь. До Алексея донесся тихий шепот хозяйки и окрик старосты: «Молчи, дура! Иди отсюда, сам все сделаю!»

Женщина выскочила из-за печки и, всхлипывая, скрылась за перегородкой. Алексей уткнулся в миску. Стало неловко и жалко тихую и явно забитую женщину, но лезть в чужие дела парень не собирался.

Староста вынес две глиняные кружки, исходящие душистым травяным паром.

– Вот ведь бабы! Волос долог, а ум короток. Наградил господь женой – все самому приходится делать, – раздраженно проворчал Лапша.

Алексей, демонстрируя мужскую солидарность, покивал головой и отпил из кружки. Душистый ягодный взвар оказался настоян на каких-то травах. Терпкий привкус вызывал ассоциации с лекарством, но неприятным не был, скорее, наоборот.

То ли от еды, то ли от горячего питья стало жарко, Алексей чувствовал приятную истому, глаза слипались, а голос старосты доносился, словно сквозь вату.

– Ишь, как тебя разморило, сейчас я на лавке постелю.

Единственное, на что хватило сил – сбросить сапоги, да подложить под голову сумку. Молодой человек провалился в сон как в омут, не чувствуя ни жесткой лавки, ни вони брошенной на нее хозяином козлиной шкуры. Это был даже не сон, а душевное небытие без времени и пространства. Алексей перестал ощущать себя и растворился в этом небытии как кусок сахара в стакане с горячим чаем.

Внезапно в безвременье сна ворвалось чувство опасности, оно оказалось настолько сильным, даже перехватило дыхание. Молодой человек закашлялся и проснулся. Звериным чутьем угадал движение и скатился на пол, услышав раздраженную брань – человек, замахнувшийся на него ножом, не удержавшись, ткнулся в пустую лавку.

– А, косорукий, бей его! Уйдет ведь! – раздался хриплый голос старосты. Алексей рывком вскочил, одновременно встречая прыгнувшего на него мужика кулаком в челюсть. Тот хекнул, отлетел к стене, рухнул на большой сундук и затих.

Староста матюгнулся и, размахивая топором, кинулся вперед. Парень с трудом увернулся, уходя в сторону, подхватил табуретку, но ударить не успел. Лапша, несмотря на свой объемистый живот, оказался шустрым. Топор свистнул, рассекая воздух, и с хрустом врезался в подставленный Алексеем табурет. Староста дернулся, пытаясь освободить оружие, получил пинок в живот, отлетел к стене и, врезавшись в высокий поставец, съехал на пол под градом посыпавшихся с полок глиняных мисок.

– Ах, ты, сволочь! – прорычал молодой человек, чувствуя, как горбится спина и удлиняются клыки. – В гости, значит, пригласил, накормил, напоил и спать уложил?!

Лапша захрипел, задергал ногами, расшвыривая черепки и пытаясь подняться. Алексей щелкнул клыками и шагнул к старосте, желая только одного – свернуть подлецу жирную шею. Одержимый яростью, он слишком поздно почувствовал опасность. Боковым зрением выхватил метнущуюся к нему фигуру человека, но обернуться не успел. Сильный удар по голове взорвался вспышкой боли и фейерверком огненных искр. Парень рухнул на колени. Но злость была сильнее боли, и в полубессознательном состоянии он начал подниматься.

– А-а-а! – заорал Лапша. – Бей его, Митроха! Он же встанет сейчас! Бей!

Раздалась матерная брань, и новый удар швырнул Алексея на пол. Мир рассыпался осколками и погас. Парень уже не чувствовал, как целовальник, словно цепом, молотит по его безжизненному телу тяжелой кованной кочергой.

– Вот же, чертяка! Чуть всех тут не угробил, – бормотал Лапша, с трудом поднимаясь. – Даже сонный отвар на него не подействовал. А мне, видно с перепугу, показалось, будто у него клыки выросли, и глазищи адским огнем сверкают. Ну, все, думаю, конец мой пришел. Чай, не оживет?

– Не оживет, – ответил Митроха, отбросил в сторону кочергу, вытер дрожащие, липкие от крови руки вышитым рушником и рухнул на лавку. – Вон, я ему башку-то как раскроил. А Жирдяй-то как?

– Да, похоже, помер, – староста, охая и держась за поясницу, склонился над подельником. – Об сундук, стало быть, ударился, да шею-то и сломал.

– Что теперь делать будем? – целовальника трясло так, что стучали зубы. – Удумал же ты, Лапша! А ну, как прознает кто? Или баба твоя сболтнет?

– Кто прознает-то? Тут только мы с тобой. А баба не сболтнет – знает, если рот откроет, мигом вслед за этим отправится, – староста кивнул на окровавленное тело. – Хватит расслаиваться, давай-ка приборем здесь, пока не рассвело. Немчина этого за деревней в сугробе прикопаем. Только раздеть надо сперва – одежда у него справная, хоть и попортил ты ее малость. По весне выгаит, так о нем уж все забудут. А и вспомнят – наше дело сторона. Ушел из села, а кто его упокоил – бог знает. Жирдяя, думаю, тоже в сугроб надо сунуть. Родни у него нет, никто, поди, и не хватится. Скажешь, коль спросят, мол, в Москву подался.

Митроха, казалось, не слушал старосту. Он сидел на лавке качал головой и причитал:

– Ой, грех! Грех-то какой... – потом встрепенулся и поднял голову. – А ведь грех-то на мне, Лапша, стало быть, и доля моя побольше твоей должна быть.

– Да какой грех?! – Староста уже совсем оправился и даже повеселел. – Чай, не наш он, чужой. За колдуна, вон, вступился, так, может, одного с ним поля ягода. Так что, нету никакого греха! А с деньгами потом разберемся, сначала надо мертвяков прибрать. Да, и нечего пока монетами звенеть, а то донесет какой-нибудь доброхот отцу казначею, так тот все к себе приборет. Знаю я его, прощельгу! А деньги пусть пока у меня в сундуке полежат.

– А чего это у тебя?! – взвился целовальник.

– Не ко времени ты, Митроха, спор-то затеял. Давай, лучше помоги мне.

Староста склонился над Алексеем, стягивая с него окровавленную рубаху.

Глава 2

Тела не было, лишь чуть теплилось сознание, замороженное в глыбу льда. Вспыхнувшее едва уловимой искоркой, оно готово было снова погаснуть, поглощенное холодным небытием. Это небытие казалось настолько привлекательным и желанным, что Алексей испугался. Ощущение неизбежности смерти заставило его уцепиться за трепещущий огонек сознания и попытаться вырваться из ледяного плена. Молодой человек заскреб руками, не чувствуя, как ломаются ногти об острые комки смерзшегося снега. Дышать было невозможно – казалось, легкие заполнены осколками льда, а на груди лежит холодная бетонная плита. От попыток освободиться Алексей окончательно пришел в себя и почувствовал ужас. Осознание того, что он погребен под снегом, вызвало такой панический страх, что окоченевшее тело ожило, задергалось, огненными змейками побежала по сосудам оттаявшая кровь.

Включившиеся звериные инстинкты подавили панический ужас погребенного заживо человека. Алексей зарычал и рванул вверх, расшвыривая утрамбованный, пропитанный смерзшейся кровью снег. И на поверхность, молотя лапами и кашляя, выбрался большой светло-серый волк. Он отполз в сторону и лег на брюхо, стараясь отдышаться. Остро пахло кровью. Его собственной кровью. Волк вздыбил шерсть на загривке, зарычал, оскалив клыки, вскочил, желая поскорее убраться отсюда и скрыться в спасительном лесу. Но лапы дрожали от слабости, а сердце больно колотилось о ребра, и зверь снова лег. Алексей опомнился, постарался загнать свою звериную сущность поглубже и хоть немного разобраться в том, что произошло.

Сначала он почувствовал облегчение и радость от того, что не только остался жив, но и сумел выбраться из снежной могилы. Парень даже готов был поблагодарить Локи за его «пода-

рочек». Обычный человек, не оборотень, если бы и пережил удар кочергой, уже давно превратился бы в окоченевший труп. Лапша позарился даже на одежду – раздел догола.

Но радость была недолгой, ей на смену пришли злость и отчаяние. Злость на подлеца-старосту с подельниками, которые не только ограбили, но и фактически убили. Злость на себя за доверчивость и неосмотрительность – в результате он остался без денег, оружия и одежды. Пропало и письмо, которое граф написал своему знакомому, содержащему постоянный двор в Немецкой слободе. Что теперь делать, Алексей не знал. И еще его мучил голод – организм потратил слишком много сил на восстановление, и их необходимо было восполнить.

Первым порывом было бежать в деревню и расправиться с негодяем. От одной мысли о том, как он вопьется клыками в жирное горло и будет рвать теплую живую плоть, пасть наполнилась слюной. Оборотень решительно вскочил и, пошатываясь от слабости, направился к деревне. Опомился только тогда, когда добежал до крайней избы. «Да что ж я делаю! – ужаснулся Алексей. – Мало тех глупостей, которые натворил, так еще и человека жрать собрался!». Было ясно – к людям сейчас идти нельзя, зверя он может не удержать, и тогда случится беда.

Он обязательно вернется, и с Лапшой поквитается, и имущество свое вернет. Но позже, когда будет сытым и отдохнувшим, а пока надо уходить в лес. Волк немного потоптался, сопротивляясь решению человека, затем повернулся и потрусил прочь.

Справа показались знакомые баньки, и Алексей вспомнил, с чего начались его злоключения. «Колдун! – мелькнула мысль. – Надо бы проверить, что с ним. Вряд ли староста собирався выполнить свое обещание, раз планировал избавиться от состоятельного и доверчивого путника».

Небо из угольно-черного стало темно-серым, словно в него плеснули ложку белил. Началась метель, и непроглядный мрак сменился мутной снежной мглой, сквозь которую проступали тени изб и покосившихся заборов. Долгая зимняя ночь уходила. В деревне слышались голоса сонно переругивающихся женщин, скрип колодезного журавля и ленивый лай собак, где-то замычала корова, встречая хозяйку с подошником. Нужно было торопиться, и инстинкт зверя, и здравый смысл требовали немедленно уходить в лес. Но Алексей, плюнув и на то, и на другое, повернул к запомнившейся бане старосты.

Открытая настежь дверь болталась на одной петле. Судя по следам на снегу, народу тут топталось много, но это могли быть и следы стрельцов, вчера вечером тащивших колдуна. Оборотень осторожно подкрался к двери и сунул нос в теплую влажную темноту. Пахло гарью, березовыми вениками, мокрым деревом и еще чем-то резким, возможно, щелоком, который использовали вместо мыла. Колдуна там не было, хоть его чуть заметный запах Алексею все же удалось уловить. Если старик там и находился, то недолго, а вот куда потом делся, непонятно – то ли сам сбежал, то ли по приказу старосту куда-то увели.

Волк покрутился немного, а затем, посмотрев на светлеющее небо, решительно побежал к лесу. Старика Алексею, конечно, было жалко, но не настолько, чтобы вот прямо сейчас кинуться на его поиски. И так из-за этого колдуна он вляпался в неприятную историю, которая еще неизвестно, чем может обернуться. Мысли об исчезнувшем колдуне быстро выветрились из головы – думать о чем-либо, кроме еды, стало совершенно не возможно. Жрать хотелось так, что Алексей даже позабыл о слабости.

Лес встретил тишиной и особым сонным покоем, который бывает только зимой, когда деревья спят, скованные морозом. В зимнем лесу человек попадает в колдовские сети Зимы-Мораны, ступает осторожно и даже говорить старается шепотом, чтобы не потревожить этот сон, так похожий на смерть.

Покрутившись между тонкими осинками с обглоданной зайцами корой, волк поймал самую свежую ниточку знакомого запаха и чуть не захлебнулся слюной. Больше ничего не существовало, ни деревни, ни старосты, ни старика-колдуна, только этот упоительный аромат добычи и азарт погони. Заяц путал следы, но оборотень не поддался на хитрость, срезая замыс-

ловатые петли, и быстро нагнал зверька. Прыжок – и теплое, еще живое тельце бьется в зубах, а в пасть течет такая вкусная, сладкая, живительная кровь.

Первого зайца Алексей сожрал целиком, вместе с костями и шкурой, оставив только маленький пушистый хвостик. Облизнул измазанную кровью морду и отправился на поиски следующего. За ним, правда, пришлось побегать. То ли зверьки, почуяв волка, стали осторожнее, то ли с наступлением дня попрятались. А скорее всего, вместе с чувством лютого голода утихли звериные инстинкты, а из самого Алексея охотник был никакой.

Но вот мелькнуло между еловых лап белое пятнышко – поднятый с лежки заяц бросился наутек, и оборотень устремился за ним. Но когда до желанной добычи оставался один прыжок, что-то несильно стукнуло его по голове. Алексей затормозил, с удивлением посмотрел на крупную сосновую шишку, отскочившую от его лба, раздраженно рыкнул и продолжил погоню. На миг ему почудился издевательский женский смех, но раздумывать над этим было некогда, а вскоре странное происшествие и вовсе забылось в азарте погони. Наконец шустрый зверек был пойман и съеден.

Алексей почувствовал усталость, сытую истому и желание вздремнуть, зарывшись носом в пушистый хвост. Волк нырнул под полог густых еловых веток, свернулся клубочком и погрузился в сладкую дрему. Но уснуть по-настоящему не удалось. Если сытый волк оказался вполне доволен жизнью, наслаждался свободой и удачной охотой, то человеку было тревожно. Беспokoило не только неясное будущее и необходимость вернуть украденные старостой вещи. Пугало то, что в теле волка придется находиться довольно долго. Конечно, браслет-татуировка Сен-Жермена – сильный артефакт, и Алексей надеялся, что даже через сутки сможет вернуть человеческий облик... Но вот, захочет ли? Уж слишком хорошо ему было в зверином теле. Бегая по лесу, он чувствовал такую легкость и свободу, каких в человеческой жизни никогда не испытывал. Алексей думал о том, насколько привольна жизнь дикого зверя без повседневных забот и хлопот.

«Граф снова заставил решать задачу со множеством неизвестных, – грустно размышлял молодой человек. – Сейчас же заказ стал практически невыполним. Ни денег, ни одежды, ни письма, ни мыслей о том, как все это вернуть. А потом... достать книгу – это всего лишь этап, знать бы еще на пути к чему?» Что его ждет в родном двадцать первом веке? Пожизненное рабство у мага-авантюриста, который может в любую минут сгинуть в очередной исторической аванюре? Тогда оберег быстро утратит свою силу, и Алексей превратится в кровожадного монстра. Не в благородного зверя, убивающего только ради пропитания, а в чудовище. В этой шкуре парень уже побывал однажды, недолго, правда, но ему хватило, чтобы до дрожи в коленях бояться повторения этого кошмара. Так, может лучше бегать свободным волком? «Маму жалко!» – с тоской вздохнул Алексей и прикрыл нос лапами.

В момент горестных раздумий он снова получил удар по лбу. От неожиданности оборотень подскочил, удивленно рыкнул, рассматривая сосновую шишку. Раздался веселый смех, и вторая шишка щелкнула по носу. Вот это было и больно, и обидно. Алексей рассердился и закрутил головой в поисках обидчика. Меж стволов берез мелькнула девичья фигурка, осенней листвой вспыхнуло пламя распущенных волос, и незнакомка скрылась в зарослях орешника. Злость мгновенно прошла, и заинтригованный Алексей бросился в погоню.

Задорный смех раздавался то справа, то слева, мелькала среди кустов рыжая грива волос, но девушка ускользала, как туман. Оборотень крутился в густом подлеске, проваливаясь по брюхо в глубокий снег и оставляя клочки шерсти на цепках ветках. Наконец он выдохся и остановился, тяжело дыша и высунув язык. В незнакомке было что-то странное, кроме, конечно, того, что она в одиночку ходит по лесу и швыряет шишками в волка. Немного отдышавшись, Алексей понял – девушка не пахла человеком. Вокруг полно запахов, но человеческого среди них не было. Да и следов она тоже не оставляла. На истоптанном снегу остались только волчьи следы. «Странно все это, – удивился парень. – Или это последствия удара кочергой, и с головой

у меня не в порядке. Мало того, что оборотень, так еще и свихнувшийся!» Алексей нервно хихикнул. Как ни странно, настроение заметно улучшилось, по крайней мере, чувство тоски и безысходности прошло.

Видимо, в погоне за незнакомкой он убежал довольно далеко от своей лежки. Лес заметно изменился: исчез подлесок, а вместо берез и маленьких елочек росли дубы. Огромным, в три обхвата исполинам, наверное, не одна сотня лет. Их стволы были покрыты мхом, толстые корявые ветки нависали так низко, что человеку пришлось бы наклоняться. Молодой поросли совсем не было, а древние великаны отживали свой век. Некоторые уже упали, их стволы гнили, рассыпаясь трухой, а ветви казались скрюченными пальцами мертвых гигантов. Упавшие деревья приходилось обходить, продираясь сквозь сухой валежник, перелезая через завалы из сучьев и корней. Видимо, когда-то здесь росла прекрасная дубрава, превратившаяся теперь в кладбище деревьев.

Наконец Алексей выбрался из бурелома. Мертвый лес сменился привычным березняком, пахло дымом и человеческим жильем. Оборотень с удивлением принялся, замер, решая, то ли повернуть назад, то ли проверить, кто поселился в чаще. Возможно, как раз тут живет странная девушка, в одиночестве гуляющая по лесу, или же колдун. Жители в древне говорили, что он давно обосновался в чаще леса. Алексей еще раз втянул в себя воздух, окончательно определился с направлением и решительно потрусил на запах.

Довольно скоро он выбежал на большую поляну, поросшую низкими кустами, верхушки которых, едва виднелись из-под снега. В центре поляны возвышался холм. Довольно высокий, метров пять в диаметре, он напоминал яйцо, до половины воткнутое в землю. К холму жалась небольшая избушка, почти утонувшая в сугробах. Холм и избушку окружал странный забор, даже не забор, а редкий частокол. Заостренные стволы молодых березок и елочек торчали вкривь и вкось, не столько скрывая двор от чужого глаза, сколько обозначая границу. Ворота не было, просто достаточно широкий проход между кольями. Но удивление вызывало не это – почти на каждом коле висели черепа, в основном, животных, но Алексей разглядел и несколько человеческих. Похоже, он, действительно, нашел жилище колдуна.

Оборотень осторожно подкрался к частоколу, не решаясь войти – неизвестно, как хозяин, если, конечно, он дома, прореагирует на заглянувшего в гости волка. Вдруг решит, что для украшения забора еще одного черепа не хватает? Свободных кольев достаточно. Можно было перекинуться, но голый человек, выходящий из заснеженного леса, произведет совсем уж странное впечатление. Алексей покосился на черепа, и ему почудилось, будто они повернулись в его сторону. «Бред! Нашли чем пугать? И не такое видели!» – мысль была бодрая, а вот состояние – не очень. Шерсть на хребте поднялась дыбом, часто-часто застучало сердце. Алексей даже удивился ощущению жути – опасности никакой он не чуял. Скорее всего, какое-то колдовство, отпугивающее посторонних. Решив не обращать внимания на ужас, оборотень направился к проходу между кольями. Глаза черепов вспыхнули красным огнем, челюсти защелкали, раздалось раздраженное шипение. Оборотень попятился.

В это время дверь в избушке приоткрылась, и послышался насмешливый голос:

– Чего топчешься у порога? Заходи уж, коли пришел.

Настороженно косясь на ожившие черепа, оборотень пробежал по тропинке к дому и нырнул в приоткрытую дверь. Присел у порога, сам себе напоминая дворового пса, которого хозяин, непонятно зачем, позвал в избу. Оскалился в смущенной улыбке, разглядывая колдуна. Сейчас он был совсем не похож на того забитого, измученного старика, которого Алексей видел накануне: высокий, жилистый, по юношески стройный, с белой бородой до пояса и аккуратно расчесанными длинными волосами, перехваченными полоской бересты. Чистая рубаха с вышивкой по воротнику, подпоясана плетеным ремешком с набором амулетов. Молодые глаза в лучиках морщинок смотрят дружелюбно и немного насмешливо.

– Ну, здравствуй, спаситель! Благодарствую за помощь, – старик улыбнулся и низко поклонился, коснувшись рукой пола. – Только, зачем же ты волком прибежал? Давай-ка, перекидывайся, а то всю избу мне псиной провоняешь. Да и говорить с тварью бессловесной несподручно.

Волк опустил голову и грустно засопел.

– А-а-а... вон оно как! Что ж я, старый дурак, сразу-то не догадался. Ну, ничего, сейчас найду тебе какую-нибудь одежонку.

Алексей вздохнул с облегчением – избушка нашлась очень кстати, да и колдун оказался гостеприимным. Если бы он побегал волком еще несколько часов, то, возможно, и не захотел бы снова стать человеком. Удивительно, что старик его узнал даже в волчьем облике. Хотя, если он колдун, то должен видеть истинную сущность. Правда, ничего колдовского в старике Алексей пока не заметил. Волк отряхнулся, с четверенек поднялся уже человек и с удовольствием потянулся, распрямляя спину. С беспокойством коснулся уха и облегченно вздохнул – староста не позарился на незатейливую бронзовую серьгу

Раздавшийся звонкий девичий смех был настолько неожиданным, что Алексей подскочил, завертелся на месте в поисках, куда бы спрятаться – не привык он перед девушками гольшом разгуливать. Метнулся за печку, перевел дыхание и сообразил – в избе, кроме него, никого нет. Осторожно выглянул и удостоверился, что маленькая полутемная комнатка совершенно пуста: широкий стол, лавки по стенам, да большая печь. Только в дальнем углу на полках то ли колдовские принадлежности, то ли просто хлам, да еще пучки травы и связки сухих грибов над печкой.

«Чудеса! – подумал Алексей. – Может, и верно с головой не в порядке? Только почему после удара кочергой мне девушки мерещатся?»

Хлопнула дверь, и вошел колдун с ворохом одежды.

– На, вот, накинь на себя. А то, негоже в гостях голой задницей сверкать.

Алексей, поблагодарив, с трудом влез в слишком узкие портки и залатанную, но чистую рубаху. Обувь старик не принес, впрочем, он и сам был босиком.

Колдун присел на лавку, положил на стол руки с узлами вен и тонкими, как у пианиста пальцами, а потом пристально взглянул на одевшегося парня и кивком указал на колченогий табурет.

– Давай, гость, сказывай, как звать-величать? Зачем ко мне пожаловал?

– Меня Алексеем зовут... можно, Лехой, – молодой человек поежился, от колючего взгляда старика стало неуютно, по спине пробежали мурашки, и захотелось спрятаться. – А на избушку я случайно набрел, когда по лесу бегал.

– Ага..., – покивал головой колдун. – Случайно, стало быть. Ну, а меня зачем спасал? Али тоже случайно?

– Ну... – смутился Алексей, – типа того. Мимо шел, и захотелось помочь... жалко стало. Неправильно это – живых людей жечь.

– Неправильно?.. – колдун задумчиво побарабанил пальцами по столу. – Иной раз бывает и правильно... Я-то сам дурак – на попа наткнулся, да отвести глаза ему не сумел. Кабы не эта «христова дудка», сам бы ушел – не удержали. Из бани-то ушел. Но за радение – спасибо. Добро не забуду. Сказывай, уж, что надо. А то ломаешься, как девка на сеновале.

– Да ничего не надо! – возмутился Алексей, выведенный из себя настырностью старика. – Говорю же, случайно на избушку вышел. Меня староста чуть не убил, одежду, деньги отобрал – вот и пришлось волком по лесу бегать.

Колдун нахмурился, глаза под нависшими бровями зло сверкнули.

– И в наш мир случайно попал? – сердито прошипел он. – Экий ты упрямый! Ведь чую же, что чужой ты, совсем чужой, хоть и оборотень, а не наш. Откель такой взялся?!

Колдун поднялся, грозно сжав кулаки, навис разъяренным медведем. Алексею даже показалось, словно он стал выше ростом, чуть не под самый потолок. Парень в испуге отшатнулся, чуть не упав с табурета.

– Э-э-э... дедуля, ты того... это полегче. Не сердись так, – пробормотал он, пытаясь справиться с паникой.

– Какой я тебе дедуля! – Старик грохнул кулаком по столу, так, что с потолка посыпалась сажа, и как-то сразу успокоился, сел, проворчив: – Тоже мне, внучек нашелся. Щенок мокроносый!

Алексей ошарашено замотал головой, пытаясь вытряхнуть из волос хлопья сажи, и обиженно подумал, что он в этом мире всего два дня, а уже второй человек его щенком обзывает. Покосился на сердитого колдуна и решил: подписку о неразглашении он Сен-Жермену не давал, а без помощи ему никак не обойтись. Старик, вряд ли, его историю кому-нибудь расскажет, а если и расскажет, так ему все равно не поверят.

– Ну, хорошо, – вздохнул молодой человек, – слушай. Только вот не знаю, поверишь ли?

И Алексей поведал старику о том, что появился он из будущего, где по неосторожности испортил ценный и древний артефакт, для восстановления которого нужна одна книга. Хранится она в библиотеке царя Ивана Грозного, спрятанной, по слухам, где-то в подвалах Кремля. Вот за этой-то книгой и послал Алексея его учитель – чародей. Только как найти ту библиотеку – ее еще Либерией называют – неизвестно. Еще рассказал, какая беда с ним случилась в гостях у старосты, и как мыкался он по лесу в волчьей шкуре, пока на избушку колдуна не наткнулся. О девушке, правда, не рассказал, так как сомневался в ее реальности.

Говорить было тяжело. Колочий взгляд колдуна вызывал страх, от которого путались мысли, а слова с трудом складывались в осмысленные предложения. Казалось, будто мохнатый паук, копошился в голове холодными, колючими лапками. Отвратительные ощущения заставляли Алексея ежиться и вздрагивать. «Телепат доморощенный!» – подумал он, разозлившись, и представил, как отрывает мерзкому пауку лапки, а затем давит тварь, размазывая каблуком по полу.

Колдун дернулся, сморщился как от зубной боли, и неприятные ощущения исчезли. Алексей с тревогой посмотрел на старика, ожидая очередной вспышки гнева, но тот, напротив, одобрительно хмыкнул, улыбнулся и кивнул головой – продолжай, мол, я слушаю.

Когда Алексей закончил, колдун, удивленно покачав головой, проворчал:

– Да... В твой рассказ, поверить трудно, но ты говоришь правду. По крайней мере, как сам ее понимаешь. То, что Лапша с тобой учинил, удивления у меня не вызывает. Поганый человечиска, за медный грош мать родную удавит, что уж тут о чужом человеке говорить. Да и кто другой черным монастырским воронам служить будет? А вот остальное... Дивную историю ты мне поведал. Сколько лет на свете живу, а не слыхивал, чтобы кто-то из будущего в прошлое как из села в село ходил. Ведь его будущего-то и нет еще... Какое сотворим, то и станется. – Старик с удивлением покачал головой, оглаживая бороду. – Да еще книжницу⁴ эту сокрытую в Кремле ищешь... Нда.. Ну, об этом мы опосля поговорим. Сперва надо выручить тебя из беды, в которую из-за меня да по собственной глупости попал. Но это уж ночью, а сейчас отдыхай, мне вон печь надо истопить, со вчерашнего дня не топлена – стужа в избе.

Старик поднялся и направился к печке, буркнув через плечо:

– Меня Чурилой кличут. Имен этих крещеных не признаю, да и сам крещением не испоганенный.

В доме, действительно, было холодно. Алексей, поджав босые ноги и пуская клубы пара изо рта, съезжился на лавке. Был бы человеком, наверное, уже воспаление легких заработал. «Хотя, – грустно подумал парень, – человека здесь бы и не было. Сидел бы сейчас у теплой

⁴ Книжница – книгохранилище, библиотека (уст.)

батареи и мотался по социальным сетям, или на лекции дремал. – Посмотрел на колдуна, суе-
тящегося у печки. – А дедок-то совсем не прост, мутный дедок. Но в помощи не отказал – и
на том спасибо. Добуду свое имущество, ручкой помашу – и в стольный град Москву. И так
уже сутки потерял». Затем, вспомнив лесную незнакомку, окликнул колдуна:

– Слышь, Чурила, а здесь какая-нибудь девушка живет?

Старик повернулся, недоуменно вскинул брови и посмотрел на Алексея как на ненор-
мального.

– Где это «здесь»?

– Ну... с тобой, в избушке.

– Тебя, и верно, по голове сильно стукнули. Какие девушки? Я и в молодости до девок
не больно охоч был – волхование, знаешь ли, требует себя в чистоте блюсти, да силу для чаро-
действия хранить, а не на баб тратить. А теперь мне и вовсе эти вертихвостки без надобности.

– Странно... – пробормотал молодой человек, – неужели, и в самом деле, почудилось?

Колдун, тем временем, запалил бересту и сунул ее в печь. Дрова занялись сразу, жаркое
пламя заплясало на березовых поленьях, из устья потянулся шлейф густого дыма, за клубился
вокруг старика и потек в прорубленные под самой крышей волоковые оконца. Но тяга была
плохая, и серая, пахучая мгла расплзлась по избушке. Алексей закашлялся, от едкого дыма
запершило в горле, и градом потекли слезы.

Чурила весело хохотнул, вытерев вспотевший лоб.

– Что, волчара, не нравится? Али у вас там, в будущем по иному печи топят? Поди, все с
трубами себе понаделали? Так от них толку мало, весь жар в трубу-то вылетает, в избе ничего
и не остается. Нет уж, дымных горестей не изведав, тепла не видать. А ты поди на двор, коль
совсем не вмоготу. Там в сенях чоботы⁵, да козушок накинешь.

Алексей, кашляя и протирая глаза, выскочил из горницы, сунул ноги в разношен-
ные кожаные полусапожки, схватил тулуп и вышел на улицу. Обжигающе холодный воздух
ворвался в легкие, прочищая их от дымной гари. Было холодно и тихо, казалось, что все звуки
замерзли и осели пушистым инеем на еловых лапах, на кустах рябины и орешника. Даже черепа
на колях сверкали морозным серебром.

После полумрака закопченной избы от сияния ослепительно белого снега и чистого воз-
духа закружилась голова. А может, просто от усталости – последние сутки были тяжелыми и
насыщенными разнообразными событиями. Разлапистые ели, окружавшие поляну, подерну-
лись туманной дымкой, картинка «поехала», а затем снова встала на место. Только теперь у
ближайшей елки появилась девушка в длинном зеленом платье и меховой безрукавке.

Алексей вздрогнул от неожиданности, побежал по тропинке к лесу, выскочил за ограду
и остановился в нерешительности.

– Ну, здравствуй, волчонок! – голос у незнакомки был похож на журчание весеннего
ручейка, а в зеленых глазах плясали озорные искорки.

Молодой человек заворожено смотрел на лесную гостью, любуясь стройной фигуркой и
рыжей гривой рассыпавшихся по плечам волос. Внезапно стало жарко, словно в летний пол-
день, запахло нагретой на солнце сосновой хвоей и земляникой. Вдохнув этот сладкий, хмель-
ной запах, Алексей пошел к девушке, но через несколько шагов провалился в снег чуть не по
пояс и забарахтался, пытаясь выбраться. Растоптанный сапог свалился, застряв в сугробе, и
Алексей, чертыхаясь и поджимая голую ногу, стал его вытаскивать. Когда он, наконец, осво-
бодил обувку и поднял голову, девушки уже не было.

⁵ Чоботы ("башмаки") представляли собой мягкую обувь из козьей или коровьей кожи, которая была выше щиколоток и могла иметь отвороты берцы"). Обычно чоботы делались цельнокроёными или шились из двух кусков кожи для верха (со швом сзади или сбоку) и подошвы. Именно наличие подошвы, чоботы от поршней. В области щиколоток делались дырочки, через которые пропускали ремешок, крепивший чоботы на ноге.

– Что за черт! – возмутился Алексей. – Знаю, что в лесу голову заморочить может леший, но никогда не слышал, чтобы он в девушку превращался. Кое-как выбрался из сугроба на тропинку и поковылял обратно, хлюпя растаявшим в сапогах снегом. За спиной послышалась противное хихиканье, совсем непохожее на задорный смех незнакомки. Алексей резко повернулся – на него, ухмыляясь, таращился пустыми глазницами козлиный череп. Молодой человек в раздражении плюнул, показал образине кулак и, решив, что свежим воздухом он уже надышался, пошел в избу греться.

– Садись, гость, откушай, – пригласил старик, раскладывая деревянные ложки.

На столе уже исходил паром большой чугунок с кашей, горкой лежали на блюде ломти вяленого мяса. Алексей еще не проголодался после ночной охоты, но отказываться не стал. Жидкая каша с грибами пахла дымом и была почти несоленой, но молодой человек, чтобы не обижать хозяина, молча, хлебал обжигающее варево, закусывая жестким, как подошва, мясом.

Когда чугунок опустел, старик разлил по кружкам травяной настой и поставил берестяной туюсок с медом. Алексей зачерпнул ложкой душистого лакомства и с подозрением посмотрел на кружку.

– Чего косишься? – Чурила шумно отхлебнул ароматный чай и крикнул от удовольствия. – Не бойся, не отравлю. Мне это без надобности, да и гостя не пристало обижать. Я, чай, не этот прощельга Лапша, по совести живу и веру блюду. Да и свой ты.

– Как это «свой»? – удивился молодой человек. – Ты же мне говорил, что чужого во мне почувал.

– А то и значит! – ухмыльнулся колдун. – Обратней сам Велес хранит, а я ему служу. Рожденный волкодлаком лесу родной, а, стало быть, и мне.

– Велес?! Так ты же старым богам поклоняешься! – вспомнил Алексей разговор крестьян.

– Не старым, а истинным! – колдун погрозил пальцем, его глаза сердито свернули. – Нашим, родным богам я служу, а не иноземному распятому рабу. А ты, что, другим богам требы⁶ приносишь?

– Э-э-э, да... нет, – пробормотал молодой человек. Он совершенно не знал, как ответить колдуну, чтобы и не соврать, и не разозлить, поэтому решил перевести разговор на более безопасную тему. – А почему ты меня рожденным волкодлаком назвал? Я не рожденный – меня покусали.

– Как так? – удивленный Чурила даже забыл о важном теологическом вопросе, который только что задал. – Что-то ты, паря, не договариваешь. Коли не по своей воле обратнем стал, как же так просто в человека перекидываешься? Ведь известно, ежели колдун кого проклянет, или волкодлак покусает, тому обратно в человеческое обличье хода нет. Ну, колдун-то еще может свое проклятие снять, да и то не всегда. А вот от укуса вовек не избавиться. Может, ты врешь? Где укус-то?

Молодой человек вздохнул и закатал рукав рубашки.

– Вот он. Видишь, отпечатки зубов? А это, – Алексей ткнул пальцем в татуировку, – браслет-оберег, что не дает превратиться в зверя. Его мне мой учитель-маг дал, а потом в такой вот рисунок превратил, чтобы не потерял ненароком, или лихие люди не отобрали.

– Укус вижу. И, правда, волкодлачий. А вот оберег слабенький, поди, не больше месяца продержится, потом менять надо будет.

– В этом ты прав, Чурила, оберег временный, а другого у графа не было. И за этот я благодарен, потому и служу ему. Мне деваться некуда, если вовремя не подновить, то рисунок начнет бледнеть, а затем и вовсе исчезнет. Тогда все! – молодой человек сжал в побелевших пальцах деревянную ложку, которую машинально взял со стола. – Не будет больше человека.

⁶ Требы – религиозные обряды, в язычестве – с жертвоприношениями.

А ты не знаешь, другого, более надежного средства? Ведь ты же – колдун, – спросил Алексей, виновато рассматривая обломки ложки.

– Нет, – старик покачал головой, – не знаю. Кабы знал, так не сидел бы здесь в лесу. Человека в волкодлака превратить легко, а вот управлять им сложно. Он же не просто диким зверем становится, а чудовищем. Волк, он что? Только ради пропитания убивает, а волкодлак без этого жить не может. Задерет, на куски порвет, даже если жрать не станет. Так, забавы ради. Не знаю, как твоей беде помочь. Слышал я, был в древности народ такой – невры. Вот они умели в волков оборачиваться, когда хотели, а потом назад в людей перекидываться. А нынче это искусство забылось. Лет пятьсот назад кое-кто помнил еще, а сейчас не осталось никого из тех, ведающих. Измельчал народец, попами замордованный.

Колдун, сокрушенно вздыхая, собрал со стола посуду и скрылся в запечном закутке. Какое-то время там возился, что-то бормотал, потом появился уже в тулупе и поршнях⁷.

– Я по делам отлучусь, а к ночи вернусь – пойдешь добро свое вызволять. Сам проворонил – сам и пойдешь. Я, может, чего присоветую и до села провожу, а то тропка-то у меня заговоренная – сам дорогу не найдешь. Пока отдыхай, вон, на лежанке, а коли жарко покажется, так подстилку на лавку брось. Тебе выспаться надо, а то глаза-то как у окуня мороженного.

⁷ Поршни – обувь в виде лаптя, сделанная из одного куска кожи, сшитого сыромятным ремнем. Надеваются поршни, обычно, на длинные шерстяные чулки.

Глава 3

Староста вяло ковырялся в миске с кашей. Ночь выдалась бессонная и хлопотная, да и утро не лучше. Пришлось маленько поучить жену, чтобы со своим нытьем не лезла, да божьим гневом не страдала. Где он Бог-то? Отсюда не видать, да и до людишек, ему, похоже, дела нет. Подумаешь, одним больше, одним меньше. Но на храм Лапша, все же, решил пожертвовать, да и свечку потолще поставить за упокой души убиенного Алексея. Бог-то, он тоже, поди, не дурак – подношения любит.

Лапша покосился на жену, прикрывавшую платком разбитое лицо, и подумал, что Бог его уже наказал, наградив такой бабой. Пять лет как женаты, а детишек все нет. Мужики уж всякие шуточки мерзкие отпускают, пальцем в спину тычут, да хихикают. Говорят, ты, Лапша, в брюхо растешь, а не в корень, поставь, мол, зелена вина, так мы и подсобим. Ведь и рот им, пустобрехам, не заткнешь.

Чтобы отвлечься, староста решил побыстрее покончить с завтраком и заняться приятным делом – пересчитать «заработанное» ночью серебро. Но не успел.

В избу ввалился, ошалело хлопая глазами, запыхавшийся целовальник Митроха.

– Беда, Тихон Силыч! Сбег он!

– Кто сбег-то? – Лапша от неожиданности поперхнулся кашей и закашлялся.

– Дык, оба... оба того... этого... – Митроха плюхнулся на скамью, вытирая шапкой вспотевший лоб.

– Ты что несешь?! – рыкнул, отдышавшись, староста. – С утра уже набрался?!

– Ни-ни.. – Целовальник замотал головой. – Собирался, правда, для успокоения принять, но не успел. Отец Паисий заявился, мол, когда колдуна жечь будем? А я ему говорю, что, сейчас к Тихону схожу, и решим. Только теперь уж, наверное, опосля обедни. Ну, я к тебе и побежал, а по дороге к бане завернул, чтобы, стало быть, проведать, как там колдун, не околел ли. Только в бане-то и нету никого, и дверь с петель сорвана! А вокруг бани волчьих следов видимо-невидимо!

Целовальник вытаращил глаза, икнул и, схватив со стола крынку с молоком, громко забулькал.

– Что ты городишь?! Откуда волки-то?

– Нет, волк один был, а колдуна и вовсе не оказалось.

– Что-то не пойму я ничего. – Лапша вырвал из рук Митрохи крынку. – Хватит лакать! Давай толком рассказывай. Колдун, что, волком оборотился?

– Не знаю! – Целовальник вытер рукавом залитую молоком бороду и затараторил: – Следы-то к бане от села ведут, а уж потом – к лесу. Ну, я по следам-то пошел. Думаю, что это за волк у нас ночью бродил? Страшно стало, а ну как задрал кого, а мы не знаем.

– Да может и не волк это был, а собака? – с сомнением спросил староста, тоже отхлебнув из крынки – в горле внезапно пересохло, и стало жарко.

– А то я волчьи следы от собачьих не отличу! – отмахнулся Митроха. – Ты дальше-то слушай. Ну, дошел я, значит, по следам до села. Волк-то потоптался только у околицы, а пришел он с поля, где мы с тобой ночью немчина прикопали. Я туда, стало быть, и побежал, а самого аж жуть берет. Но, думаю, зверь-то, все одно, уже в лес ушел, может он того парня схарчил. Что свежатинкой-то не закусить? Дошел я, значит, до того места, а там ямина огромная, и в ней пусто. Нету мертвяка-то. От той ямы волчий след и ведет.

– Так, может, волк покойника-то и сожрал? – с надеждой спросил Лапша.

– Ага, вместе с костями. Чай он не змей горыныч какой, волк-то? Что-нить да оставил бы. Но не в этом дело. Волчий след от ямы идет к селу, а к яме его нет. Наверде, выкопался из сугроба не человек, а волк, к селу побежал, потоптался маленько, но к жилью не пошел –

видно Бог нас уберег – потом к бане направился, только и в нее не заходил, видать, уже пустой застал, а уж оттуда в лес утек. Во как! – Целовальник перевел дух – долгая речь его изрядно утомила, облизнул губы и спросил: – Че делать-то будем?

Староста вытер вспотевшие ладони о портки и покачал головой.

– Чудно все это Митроха!

Не то, чтобы Лапша совсем уж не верил в колдовство, оборотней и другую нечисть. Верил, конечно. Но встречаться со всем этим ему не доводилось. А тут непонятные и страшные чудеса до него добрались. Да если бы только чудеса! Ведь и монастырские служки доберутся! Отец настоятель спросит, почему колдуна не устерег и в тот же день не сжег? А люди-то видели, как он с чужим человеком говорил, после этого и колдун пропал. Как бы в сговоре не обвинили или, того хуже, в пособничестве колдуну. Вот вздернут на дыбу, рученьки вывернут, каленым железом припекут – небо-то в овчинку покажется. Тут уж рассказом про оборотня не отбрехаешься.

Лапша передернул плечами, холодный пот струйкой побежал между лопатками, а голове стало жарко, и в груди заломило. Но староста постарался успокоиться – страху воли давать нельзя – начинают мысли путаться, а голова нужна ясная.

– Стало быть, так, Митроха. – Староста хлопнул ладонями по коленям, встал и прошелся по горнице. – Что там с этим сербом – дело десятое. Пусть хоть оборотень, нас это не касается. А колдуна мы с тобой упустили, нам за это ответ держать придется. Ты вот что сделай – как обедня закончится, отца Паисия вином попотчуй. Осталось у тебя еще из старых запасов-то? Да не жадничай, побольше наливай, чтобы до утра не проспался. А то, не ровен час, в Москву подастся, да и наговорит, чего не надо. Ночью, коли к тому времени снега не будет, сходи в поле да к бане – все следы прибери-замети.

Наутро я сам в монастырь поеду. Скажу, мол, появился чужой человек, откель неведомо, обманом в доверие вошел, в гости напросился, каким-то зельем опоил, а ночью колдуна-то и освободил. Буду в ногах у отца казначея валяться, авось заступится перед настоятелем. Не впервой.

– Думаешь, обойдется? – целовальник уже успокоился и даже повеселел немного, поняв, что ответ за случившееся, все равно, не ему, а старосте держать.

– Придется деньгами отцу Кондратию поклониться, и малой мздой тут не обойдешься. Жаден он до денег-то, авось пронесет беду мимо. Не впервой, – снова повторил староста, словно не Митроху, а сам себя успокаивал.

Когда Чурила ушел, Алексей понял, насколько устал за последние сутки, просто невероятно устал. Чувствуя себя воздушным шариком, в котором кто-то проделал дырку, дополз до печки и с сомнением посмотрел на лежанку под закопченным потолком. Решил, что спать там не рискнет, кинул на лавку сшитое из разноцветных лоскутков, засаленное одеяло и рухнул без сил.

Уснул он, провалившись в вязкую душную тьму, как в болото, кажется, даже раньше, чем успел закрыть глаза. Мутный, тревожный сон закружил в хаосе странных видений. Что-то кричал староста Лапша, скаля желтые и огромные, как у медведя клыки; старик-колдун танцевал с бубном вокруг костра, на котором кто-то корчился и кричал от боли; огромные дубы ползли, цепляясь вывороченными корнями, тянули скрюченные пальцы-ветки. Алексей, задыхался от страха и беспомощности, пытался увернуться, убежать, но ноги не слушались, как это часто бывает в кошмарном сне.

Внезапно бредовые образы исчезли, и мутное марево сна посветлело, как предрассветное небо. Бешено стучавшее сердце успокоилось, стало легко дышать. Сквозь забытие Алексей почувствовал знакомый запах спелой земляники и нагретого солнцем соснового леса. Стало жарко, словно он лежал на солнцепеке. Молодой человек с наслаждением вдохнул сладкий

аромат, потянулся, открыл глаза и сразу же снова зажмурился – на лавке рядом с ним сидела та самая девушка из леса. «Если это сон, – подумал Алексей, – то почему сейчас я его не вижу? Или это все же глюк?» Осторожно, чтобы не спугнуть свое видение, приоткрыл глаза. Незнакомка казалась совсем юной – лет шестнадцать-семнадцать, не больше. Высокие скулы, легкий румянец на щеках, зеленые глаза с золотыми искорками смотрят с настороженным любопытством, а распущенные рыжие волосы отливают медью. Молодой человек не назвал бы девушку красивой, и там, в своем веке, в толпе людей он, возможно, ее и не заметил бы. Но было что-то в незнакомке такое, от чего захватывало дух, и сердце начинало трепыхаться, как рыба в садке.

Девушка улыбнулась – словно лучик весеннего солнца сверкнул из-за снеговых туч, и осторожно коснулась щеки Алексея.

– Здравствуй, волчонок.

– Ты кто? – выдохнул молодой человек и тут же испугался, что звук голоса спугнет лесную гостью.

Девушка отдернула руку и наклонила голову, став похожей на диковинную зверушку.

– Леся я, – голос незнакомки звучал тихо и неуверенно. – Ты пошто к нам пришел? Люди злые стали. Убьют тебя. Тебя убивали уже... Не здесь. Там, далеко.

Алексей вздрогнул, но отогнал неприятные воспоминания. Думать о плохом не хотелось, разговаривать – тоже, а хотелось коснуться огненного шелка волос. Прямо нестерпимо хотелось. Молодой человек протянул руку и погладил девушку по голове, перебирая в пальцах пряди волос.

– Ты красивая.

– Красивая?.. – прошептала Леся и задумалась, словно пытаясь понять значение этого слова. Потом, перехватив руку, прижала ладонь Алексея к своей щеке. – Хороший волчонок.

– Ты меня в тот странный мертвый лес специально заманила?

– Да.

– Зачем?

– Не знаю... – девушка выглядела растерянной. – Я играла.

Внезапно она наклонилась и поцеловала Алексея. Поцелуй был легким, почти неосязаемым, как касание крылышка мотылька. На мгновение глаза Леси сверкнули зеленым огнем, она вскочила и, шепнув: «Мы встретимся, волчонок!», выбежала из избы. Хлопнувшая дверь заставила молодого человека вздрогнуть. Он перевел дух и сел на лавке, пытаясь разобраться в своих чувствах. Лесная гостья была странной и завораживающе привлекательной. И еще, что-то настораживало в ней. Молодой человек так и не понял, откуда у него это легкое ощущение даже не опасности, а тревожного предчувствия, потер заспанное лицо и поежился – после ухода девушки в избе стало холодно, темно и неудобно.

Короткий зимний день угасал в морозных сумерках. Тусклый свет едва просачивался сквозь небольшое окошко, затянутое бычьим пузырем, серые тени скапливались в углах избышки, делая жилище колдуна еще более мрачным. Скрипнула дверь, Алексей вздрогнул от неожиданности и вскочил, ожидая увидеть вернувшуюся Лесю. Но это был колдун. Он потоптался у порога, сбивая с поршней налипший снег, и прошел к печке.

– Что это ты такой встрепанный, или наснилось чего? – спросил Чурила, грея озябшие руки.

– Здесь девушка была, та самая, из леса. – Алексей упрямо нахмурился, ожидая от старика очередного язвительного замечания. И не ошибся.

– Опять девушка почудилась! Ты, видать, парень, по бабе стосковался. Вот придешь в Москву – найдешь себе девку поговорчивее. Там этого добра хватает.

– Да ну тебя, Чурила! – смутился Алексей. – Не о том я. И ничего мне не почудилось! Была здесь девушка, вот только что. Она Лесей назвалась.

– Кем?! – колдун удивленно вскинул брови и, открыв рот, уставился на молодого человека.

– Лесей... – неуверенно повторил Алексей, озадаченный реакцией Чурилы. – У нее рыжие волосы, как листва осенью, зеленые глаза, и еще... она земляничкой пахнет.

– Ну и ну... – пробормотал колдун, опускаясь на скамью. – Где ты, говоришь, ее встретил?

– В лесу, когда волком бегал. Она в меня шишками кидалась, а потом заманила в такое странное место... Там дубы огромные, полусгнившие, я оттуда еле выбрался и прямо к твоей избушке вышел.

– Совсем удивительно... – Чурила покачал головой. – Так ты, значит, в Проклятой дубраве был и живым вышел? А я-то думаю, как ты дорогу ко мне нашел?

– Живым? – переспросил Алексей. – Так там ничего страшного и не было. Неприятное, конечно, место, но я опасности не почувствовал.

– Вот я и говорю – удивительно. Из Проклятой дубравы люди живыми не выходят, да и зверье туда не суется. Не любит она живых. А может ты?... Да, нет, пустое это... – старик бормотал, что-то под нос и, казалось, разговаривал сам с собой.

Молодой человек подумал, что вопрос о том, можно ли считать его живым или нет, обсуждать не стоит. Когда-то серебряная пуля некроманта оборвала жизнь оборотня Алексея Артемьева, но вмешался Один и вернул его не только в мир живых, но и в родной двадцать первый век. Рассказывать об этом колдуну не хотелось, и Алексей решил вернуться к разговору о лесной гостье.

– Чурила, так ты знаешь, что это за девушка в лесу была, а потом сюда приходила?

– Девушка?! – ухмыльнулся колдун. – Никакая она не девушка.

– А кто?

– Леська. Лесавка она. Дух лесной, а по-настоящему – нечисть. А ты ей, видать, приглянулся, раз не в болоте утопила, а миловаться пришла. – Старик хихикнул и подмигнул смутившемуся Алексею. – Только мало их осталось, лесавок-то. Они же верой людской живут, подношениями да требами. Без человеческой веры дичают и засыпают в своих материнских деревьях. А Леська-то, вот, рядом со мной прижилась. Да и то правда, силы у нее побольше будет, чем у простых лесавок. Только и ей недолго жить осталось.

Алексей открыл, было, рот, чтобы расспросить колдуна поподробнее, но тот махнул на него рукой.

– Будет об этом. Тебе, Лексей, сейчас не о девках думать надо, а о том, как пожитки свои вызволить. Вишь, смеркается уже. Пора собираться в село, старосту проведать.

Пока Алексей «сражался» с онучами⁸, стараясь поровнее накрутить на ноги тряпки, Чурила выложил на стол длинный нож с костяной рукояткой, холщовую сумку и маленький кожаный мешочек.

– Ты в дверь-то не ломись, а то все село перебудит, набегут мужики с дрекольем – не отмахнешься. Лапша, все равно, не откроет, особенно, если поймет, кто к нему в гости пожаловал. Вот тут я тебе разрыв-травы припас, – колдун показал на мешочек. – Как к избе старосты подойдешь, то насыпь порошок на ладонь и в дверную щель сдуй. Только глаза покрепче зажмурь, а то запорочит разрыв-травой – ослепнешь.

Да вот, у старосты еще пес больно брехучий. Оборотня он, конечно, не тронет, но разлажется и всех собак в округе перебудит. Так ты ему Слово скажи: «Уг тыр маа» и пальцы сложи вот так. – Колдун скрестил большой и безымянный пальцы, а остальные растопырил «козой». – Повтори-ка.

– Уг тыр ма? Это еще что такое? – удивился Алексей.

– Слово, я же сказал! И правильно повтори, али глухой? Уг тыр маа.

⁸ Онучи – в русской крестьянской одежде обмотки для ноги под сапог или лапоть, портянки.

Молодой человек даже взмок, пока на все лады повторял странное Слово, стараясь, чтобы оно звучало так же как у колдуна. Наконец, Чурила раздраженно махнул рукой.

– Ладно, авось, сойдет. И откуда ты такой бестолковый взялся, а еще ученик мага. Я б тебя к колдовскому делу на поприще не подпустил. – Затем, задумчиво проворчал, – Хотя, есть в тебе одна заковыка. Может, и стодилась бы.

Алексей подумал, что он-то в ученики и не рвался, а уж у Чурилы и вовсе оставаться не собирается. Сен-Жермен, хоть дворянин, блестящий кавалер и богат сказочно. А жить в лесной избушке на курьих ножках без всяких удобств – нет уж, увольте. Но развивать тему ученичества не стал, а спросил:

– А Слово-то на каком языке? И что оно означает?

– Древний это язык. Очень древний. На нем наши пращуры говорили тогда, когда еще ни русичей, ни немцев, ни поляков и в помине не было. А что оно значит – не твоего ума дело. Будешь много знать – быстрее на дыбу попадешь. Хватит болтать-то, идти пора.

Молодой человек обижено хмыкнул, но, молча, взял сумку и вышел за Чурилой в холод зимней ночи. Тишина спящего леса не пугала, напротив, она была уютной и умиротворяющей. Очень хотелось перекинуться и снова почувствовать, как тает под лапами снег, как пушистые ветки елочек глядят взъерошенную на загривке шерсть, ощутить запах убегающей добычи и азарт погони. Представляя, как забьется в зубах теплое тельце зайца, Алексей облизнулся и понял, что изрядно проголодался. Утренняя каша с грибами превратилась в смутное воспоминание, а поужинать колдун не предложил. Морозный сумрак леса и чувство голода пробуждали звериные инстинкты, и становилось все труднее сдерживать рвущегося на волю волка. Чтобы отвлечься, молодой человек решил осмыслить то, что с ним произошло в этом мире, и очень удивился, когда понял, что прошло всего немногим больше суток. Но какие это были насыщенные сутки! Пожалуй, самым непонятным в череде людей и событий казался Чурила. О том, что он колдун известно только со слов суеверных крестьян, а сам Алексей ничего колдовского ни у него, ни в избушке не заметил. Разве что странные черепа на кольях, так, ведь, красный отсвет в их глазах мог просто почудиться. То ли дело Сен-Жермен, который ходил обвешанный магическими амулетами как новогодняя елка игрушками. Молодой человек решил прояснить ситуацию.

– Чурила, а за что тебя сжечь хотели?

– А то сам не знаешь? – проворчал идущий впереди старик. – Вестимо, за что – за колдовство.

– Ну, колдовство разное бывает. Оно же не всегда вред приносит, – продолжал допытываться Алексей. – Ты сделал что-то... плохое?

– А разве надо что-то делать? – Старик внезапно остановился и, повернувшись к молодому человеку, сердито сверкнул глазами. – Уже и того достаточно, что я молюсь старым богам. Попы всех рады уничтожить, кто мыслит не по-ихнему. Они и друг друга жрать готовы, аки крысы. А князья и бояре нынешние под их дудку пляшут.

Чурило открыл, было, рот, чтобы продолжить свою обличительную речь, но только махнул рукой.

– Не ко времени ты этот разговор завел, Леха-оборотень. Нечего языком попусту трепать, идти надо.

Молодой человек решил, что вникать в сложные взаимоотношения старика с церковными и светскими властями не стоит, и дальше шел молча. До опушки леса добрались довольно быстро, наверное, колдун знал какие-то тайные тропы. Пообещав ждать до рассвета, Чурила махнул рукой, иди, мол, что топчешься.

Алексей пробежал через поле, осторожно проскользнул мимо темных изб и перепрыгнул через забор старосты. Из глубины двора выскочил пес, тявкнул, но услышав Слово-заклинание замолчал, попятился и скрылся за домом. Алексей удовлетворенно хмыкнул – все же кое в чем

старик разбирался. Теперь настало время проверить действие разрыв-травы. Молодой человек осторожно поднялся по лестнице, вздрогнул от скрипа ступеньки и сдул с ладони серый порошок. За дверью раздался шорох, и она приоткрылась. Порадовавшись, что колдун и здесь не обманул, Алексей прошел в избу и окунулся в теплую, прогорклую темноту. Свет, конечно, был бы не лишним, волк не кошка и в темноте видит плохо, но запах старости молодой человек различил бы даже в толпе людей. Лапша спал на лавке, сладко причмокивая, и, судя по тяжелому перегарному духу, с вечера он изрядно принял.

Почуввав ненавистного врага, проснулся и заворочался зверь. Алексей оскалил клыки, сдерживая рычание. Желание вцепиться старосте в горло было настолько сильным, что молодой человек вспотел. Сделав три глубоких вдоха, чтобы немного успокоиться, он достал нож, бесшумно скользнул к спящему и шлепнул лезвием по заросшей щеке. Лапша всхрапнул и попытался повернуться на бок.

– Ах ты, гад! – прорычал Алексей и, схватив за ворот рубахи, встряхнул старосту.

Тот хрюкнул, очумело уставившись на неожиданного гостя.

– А-а-а? Че? – прохрипел спросонья Лапша, затем узнал, вытаращил глаза и заорал, махая руками – то ли крестился, то ли пытался отогнать наваждение.

Чувствуя, как челюсти сводит судорогой, а лицо превращается в морду монстра, Алексей прошипел:

– Заткнись! – и щелкнул клыками. Староста икнул, закатил глаза и мешком съехал с лавки на пол.

– Ну, вот... – пробормотал парень. Лютая злоба прошла, уступив место растерянности. – И что теперь с ним делать?

Встряхивания и похлопывания по щекам не помогли, и Алексей оглянулся в поисках ведра с водой. Глаза уже привыкли к темноте, и можно было рассмотреть нехитрую обстановку избы. Воды не нашлось, зато у стены обнаружился объемистый сундук с большим амбарным замком. Молодой человек удовлетворено хмыкнул.

– Ну, ладно, отдохни пока, я и без тебя разберусь, – буркнул он, обращаясь к старосте.

Увесистый замок на окованном железными полосками сундуке сломать было сложно, поэтому снова пригодилась разрыв-трава. Как только порошок попал на дужку, металл зашипел, словно от кислоты, и рассыпался, а замок с грохотом упал на пол. Алексей поморщился и оглянулся на старосту, но тот признаков жизни не подавал.

– Экий ты, оказывается, коллекционер, Лапша! – усмехнулся молодой человек, разглядывая разнообразное барахло, которым был забит сундук.

К счастью, его имущество лежало сверху. Аккуратно сложенная, похоже, даже выстиранная рубаха, штаны, кафтан, жупан, начищенные сапоги и, что особенно порадовало, клевец. Не наблюдалось только кошель с деньгами, и Алексей наклонился над сундуком, раздумывая о необходимости впопыхах перебирать весь этот хлам.

Движение за спиной он не услышал, а, скорее, угадал звериным чутьем. Обернулся и увидел прямо перед собой разгневанного старосту с поднятой табуреткой.

– Не замай добро, стерво! – выкрикнул Лапша, обрушивая табурет на голову Алексея.

Молодой человек метнулся в сторону, но староста, по инерции сделав пару шагов, снова развернулся, замахаясь своим оружием.

– Мое! Не тронь!

Алексей, защищаясь, вскинул руки, перехватил табурет и дернул на себя. Противник нырнул вперед и тут же получил сильный удар ножками в грудь, охнул, отлетел к стене и рухнул на пол, захрипел, закашлял, заплевывая бороду кровавой пеной. Молодой человек прыгнул, всем весом обрушиваясь на Лапшу, схватил за бороду и прорычал:

– Где деньги, урод?! Говори, а то загрызу!

Староста сипел, кашлял, хватаясь за грудь, булькал кровью, но упрямо мотал головой.

– Я ж тебя на куски рвать буду, воруго! – орал взбешенный Алексей и, оскалив клыки, чувствовал, как тягучая слюна течет по подбородку. – А когда сдохнешь, все возьму. Где деньги?! Сам скажешь, или жрать начинать!

Староста заскулил, засучил ногами, задержался, пытаясь скинуть оборотня, но почувствовал, как длинные когти рвут кожу на горле, и замотал головой.

– Не...не надо... скажу... Не убивай... На божнице деньги... за образами.

– Урод! – выдохнул Алексей, отпуская Лапшу.

Звериное бешенство стихло, рассеялся кровавый туман в глазах, и стало противно и стыдно, за то что он дал волю зверю и едва не перешел грань. Ведь готов был рвать куски мяса из живого человека. Пусть мерзавца, но человека.

Оглядываясь на корчащегося на полу старосту, Алексей отодвинул закопченные иконы и вытащил кошель с деньгами. Собрал свои вещи в холщовую сумку, подобрал нож и подошел к старосте, понимая, что этого негодяя живым оставлять нельзя. Лапша таращил остекленевшие от ужаса глаза и что-то бормотал – то ли молился, то ли матерился. Молодой человек посмотрел на зажатый в руке нож, плюнул и вышел из избы.

Колдуна в условленном месте Алексей не обнаружил и некоторое время растерянно топтался на опушке, размышляя, то ли Чурила его обманул и не дождался, то ли, напротив, не рассчитывал, что он так быстро вернется, и ушел греться в избушку. Но скрипучий голос из-за спины заставил его вздрогнуть от неожиданности.

– Что-то ты быстро обернулся. Чай, поди, и мертвяка не закопал, и в избе не прибрался? Эх, молодежь!

– К-какого мертвяка? – Парень готов был поклясться, что минуту назад колдуна там не было.

– Что значит, «какого»? Старосту, конечно. Али ты кого еще порешил?

– Нет, никого я не порешил. И староста жив, – растерянно пробормотал Алексей. – Я его не убил.

– Как не убил?! Так ты, дурья твоя башка, мало того врага себе нажил, да еще и не воспользовался случаем, чтобы от него избавиться?! Ты хоть понимаешь, что он на тебя и в Разбойный приказ челобитную напишет, и монастырских натравит. Сыщут в Москве – разбираться не будут, кто кого первый обидел. Но тебя-то в Москве может и не найдут, али вообще искать не станут, коли староста кому надо в лапу не даст. А вот меня точно со свету сживут, итак как зверя дикого травят, носа высунуть из леса не могу. Одно спасает – мужики боятся и в Проклятую дубраву никогда не сунутся. А коли святош кликнут – есть среди них умельцы со способностями – так никакая волшебба не спасет!

Колдун, сверкая глазами, разгневанно смотрел на понурившегося парня и, казалось, сам был готов придушить недотепу. Возможно, так бы и поступил, если это хоть как-то могло изменить ситуацию.

– Я не смог, – твердо проговорил Алексей, упрямо вскинув голову. – Ему и так здорово досталось, а ты хочешь сказать, что я должен был зарезать беспомощного человека, который даже сопротивляться не в состоянии?

Судя по всему, Чурила именно это и имел в виду, но посмотрев на возмущенного молодого человека, тяжело вздохнул:

– Экий ты жалостливый! Он-то, поди, тебя не пожалел – ради горсти серебра на гостя руку поднял. Не сам, конечно, но это значения не имеет.

– Я – не он! – прорычал Алексей, стискивая зубы, чтобы не наговорить старику грубостей.

– Вот и говорю – жалостливый, – в голосе колдуна слышалось презрение. Но потом он, видимо, вспомнил – не был бы парень таким жалостливым, его собственные кости тлели бы на костре, махнул рукой и уже мягче сказал: – Да, чего уж теперь опосля драки-то кулаками

махать. Ладно, пойду, попробую следы запутать, чтобы, коли погоня случится, по ложному пути пошла. Ты меня тут не жди, а то, не ровен час, кому на глаза попадешься. В избушку иди – я тебе проводника дам.

Старик покопался в сумке и достал из нее бурое перышко величиной с ладонь.

– Вот перо совиное, я слово скажу – оно вперед тебя полетит и к избушке приведет. Только ты не мешкай, быстренько за ним поспедай, оно дожидаться не будет.

– Ну вот, – разочарованно вздохнул Алексей. – А я поохотиться хотел, а то от голода аж живот к спине прилип.

– Поохотиться? – язвительно спросил Чурила. – Вот старосту и жрал бы! Али побрезговал?

– Нет, нельзя мне. – Парень испуганно замотал головой. – Если я человечины попробую, то в чудовище превращусь – никакой браслет не поможет.

– Хм... – скептически хмыкнул колдун. – Это тебе кто сказал? Твой маг-учитель, что ли? Ну, ну... Дык хоть прирезал бы тогда его, гниду, поповского подпевалу... А, что уж теперь!

Старик махнул рукой, подбросил перышко в воздух, что-то прошептал и, пообещав накормить чем-нибудь, когда вернется, исчез в кустах.

Перо покрутилось немного, затем устремилось в чашу, замешкавшийся было Алексей, опомнился и кинулся за ним. Необычный проводник, не разбирая дороги, легко скользил по воздуху, нырял в кусты, мелькал среди еловых веток, нередко пропадая из виду. Молодой человек прорывался сквозь густой подлесок, постоянно проваливаясь в глубокий снег, и ругал Чурилу. Хорошо еще, перо немного светилось, как покрытое фосфором, иначе Алексей потерял бы его в первые же минуты бешеной скачки по ночному лесу. Когда, наконец, добрался до избушки, то от него валил пар, а ноги дрожали от усталости. С трудом переведя, дух молодой человек ввалился в жилище колдуна и замер на пороге.

Знакомый запах заставил сердце забиться быстрее. В полутьме на лавке у окна угадывался силуэт девушки.

– Ты?! – выдохнул Алексей.

– Я, – тихо ответила Леся, ее глаза совсем по-кошачьи сверкнули зелеными огнями.

– А, правда, что ты... – Молодой человек замялся. – Ну... не человек?

– Правда. Ты тоже не человек. А разве это хорошо – быть человеком?

Алексей растерялся. Он не знал ответа на этот вопрос. Совсем недавно знал, а теперь – нет.

– Не знаю... Но я хотел бы снова стать человеком. – Парень скинул жупан и шагнул к лавке. – Почему ты пришла?

– Ты мне нравишься, волчонок. Хотя от тебя пахнет другим миром.

Девушка подошла вплотную, даже не подошла, а переместилась каким-то неуловимым, скольльзящим движением, приподнялась на цыпочки, почти касаясь губами щеки Алексея. Ее ноздри трепетали, втягивая воздух.

– Запах камня, железа и горького дыма, и еще чего-то пряного и незнакомого. Нет, совсем нет лесного духа... Но ты мне нравишься, волчонок.

Теплое дыхание Леси щекотало кожу, от чего по спине пробегали мурашки, и гулко стучало в висках.

– А ты пахнешь сосновым лесом и земляникой, – ставший хриплым голос дрожал и срывался.

– Да... – шепнула девушка.

На миг прижалась горячим телом и отступила на шаг, заставив Алексея разочарованно вздохнуть. Впрочем, разочарование было недолгим. Лесная гостья скинула меховую жилетку и распустила шнуровку на груди. Платье с шелестом осенних листьев скользнуло на пол. В полумраке избы девушка казалась статуэткой из драгоценного молочно-белого фарфора. Высокие

грудь с темными каплями сосков вздрогнула от тихого смеха, сверкнули зелеными искрами глаза.

– Иди ко мне, волчонок.

Молодой человек, восхищенно вздохнув, качнулся вперед. Но внезапно вспомнил другую девушку, такую же прекрасную и соблазнительно нежную, через мгновение превратившуюся в мерзкую полуразложившуюся тварь – мертвячку, оживленную некромантом. Воспоминание было настолько ярким, что Алексей почувствовал омерзение и ужас, к горлу подкатила тошнота, и он отскочил к двери.

– Что с тобой?! Ты меня боишься? Я не нравлюсь тебе? – Девушка явно обиделась.

Алексей прижался спиной к шершавым доскам и боролся с желанием немедленно убежать.

– Нежить! – выкрикнул он.

– Нет! Не правда, я живая, – голос Леси дрожал от слез.

Она осторожно подошла к молодому человеку и коснулась его щеки. Он вздрогнул, хотел отшвырнуть девушку, но внезапно страх прошел, стало тепло и спокойно.

– Я поняла, – прошептала Леся. – Глупый! Ты боишься не меня, а того, что в прошлом. Но прошлого нет, оно далеко. И будущего нет – оно еще не наступило. Есть только настоящее – ты и я.

– Да... да..., – бормотал Алексей. Зарывшись лицом в пушистые волосы, он прижал к себе горячее тело. – Извини... это уже прошло. Ты живая.

Молодой человек гладил прохладный шелк плеч, ласкал грудь, целовал мокрые от слез глаза и пил земляничный нектар губ. И прошлое, и будущее исчезли, растворившись в хмельной страсти, осталась только эта удивительная девушка, сладкая как дикий мед и свежая как березовый сок ранней весной.

– Идем, желанный мой, – шепнула Леся, потянув его к лавке.

– Да... Только, как же старик?

– Что тебе до него?... Он – человек... – девушка на миг замерла, прислушиваясь. – Колдун далеко. Идем.

Глава 4

Когда Алексей проснулся, Леся исчезла. Вряд ли он спал долго, скорее всего, забылся на несколько минут, и было немного досадно, что лесавка сбежала, не попрощавшись. Но молодой человек чувствовал себя настолько отдохнувшим и счастливым, что обижаться не хотелось, тем более он был уверен – девушка обязательно вернется.

Парень с наслаждением потянулся и обнаружил, что лежит совсем голый. Он не помнил, когда и как успел раздеться, в памяти не осталось ничего, кроме жаркого трепещущего тела, нежных прикосновений рук и сладких губ. В избушке заметно посветлело, и Алексей, усмехаясь, начал собирать разбросанную по полу одежду.

Дверь в сенях скрипнула, раздалось старческое покашливание, и парень в панике заметался, понимая, что одеться уже не успеет. Вошедший Чурила удивленно крикнул.

– Опять без портков! Это что, в твоём мире принято хозяина встречать нагишом, али, все же, на охоту собрался?

– Э-э-э... нет... Я...это, вот, переодеться хотел.

Алексей торопливо кинулся к брошенной на пол сумке, вытаскивая из нее свою одежду.

– А, ну-ну..., – проворчал старик, затем пошмыгал носом и хихикнул. – Чай, поди, Леська-плутовка прибежала?

Молодой человек покраснел и закашлялся.

– Эк, зарумянился-то, аки девица на выданье! Точно, значит, Леська. Говорил же я – приглянулся ты ей. Смотри, заморочит она тебе голову, да в лес сведет. Пару дней волком за ней побегаешь, а потом и в человека перекинуться не сможешь. Так и будешь на луну выть – ни тебе девки, ни тебе рожи человеческой. Ну, да ты, все одно, в Москву собрался. Так что, помиловались в охотку – и ладно.

Не обращая внимания на красного как помидор Алексея, колдун загремел чугунками.

– Печь затоплять не буду, так, не разогретым поснедаем⁹.

Чурила выставил на стол холодную, скорее всего, вчерашнюю кашу в блюде, тонкими ломтями порезал солонину, разлил по кружкам медово-желтый напиток, судя по кислому запаху, квас, достал бережно завернутую в холстину краюху хлеба, разломив, половину протянул Алексею.

Пока колдун хозяйничал, молодой человек размышлял над его словами. Вспомнил ласковый шепот, напоминавший мурлыканье кошки: «Любый мой, как же хорошо-то мне с тобой! Пошто ты к людям уходишь? Остайся здесь, со мной. Лес добрый, он защитит и прокормит». Алексей мотал головой, выражая несогласие. Говорить ему тогда не хотелось, думать о чем-либо тоже, вообще не было желания возвращаться в реальность. Он прижимался щекой к теплой груди девушки и качался на волнах той сладкой истомы, что неизменно наступает после любовных игр.

А сейчас не мог избавиться от неприятных подозрений. Неужели Леся только для того приходила, чтобы в лес его сманить? Думать об этом не хотелось, уж слишком ласковой и страстной была лесавка, и страсть эта казалась искренней. А если Чурила прав, то почему тогда девушка ушла? Или колдуна боялась?

– Да ты не слушаешь меня?!

Сердитый окрик старика заставил Алексея вздрогнуть и вынырнуть из сладких воспоминаний. Он вскинул голову и растерянно хлопал глазами.

– А? Чего!

⁹ Поснедаем – поедим (уст.)

– Тьфу! – плюнул Чурила. – И верно, башку тебе лесная девка заморочила. Я же тебя уж три раза спрашивал, что в Москве-то делать будешь?

– Почему сразу «заморочила»? – обиженно фыркнул парень, отправляя в рот ложку холодной, липкой каши. – Задумался я просто. Вот об этом самом, о московских делах и задумался. Я же говорил тебе, что мне книгу одну надо достать из библиотеки Ивана Грозного.

– Откудова? – удивленно вытаращился старик, потом, видимо сообразив, кивнул головой. – А, из книжницы, стало быть. Понятно. Цареву тайную книжницу еще Либерией прозывают. Говорил, помню. Только, вот, как доставать собираешься книгу-то?

– Ну.., – пожал плечами Алексей, – не знаю пока. Но, все же, царская библиотека – не иголка в стоге сена. Про нее многие знать должны.

– Не простая это билиби, биби... Тьфу, что за слово такое, язык сломаешь, пока выговоришь! Не простая это книжница, а тайная. Царь Иван тех, кто про нее ведал, на тот свет спровадил.

– Ты знаешь о Либерии?

Молодой человек был удивлен – темный старик, живущий в лесу, оказывается, осведомлен о таких вещах. Хотя, подумал Алексей, кто же его знает, где он жил и кем был до того, как в лес ушел.

– Да чего я, темный старик, могу знать? – Чурила хитро покосился на Алексея. – Так, слышал маленько. Не простые там книги собраны. Нет, есть, конечно, и обычные, про царей всяких, да про войны древние. Но не в них суть, а в тайном знании, что по крупичкам собиралось и записывалось колдунами да магами не одну тысячу лет. Часть таких книг привезла с собой Софья – жена другого царя Ивана, что допрежь Грозного был, а иные письма сам Грозный собирал, да к себе в Кремль стаскивал. Среди них и наши древние книги, что еще в допоповское время волхвы писали.

Колдун задумался, мрачно уставился куда-то в стену, перебирал пальцами, словно паук паутину плел. Алексей уж подумал, что лекция о Либерии закончена, но Чурила очнулся и продолжил.

– Разные там книги, есть колдовские, с сильными древними заклинаниями. Те не всякому в руки даются, да оно и к лучшему. Зло в них, пагуба. Слабый человек сгинуть может, или того хуже – душу свою потерять. Внешне, вроде, все такой же, как был, а внутри – чудовище злобное. Царь Иван, последний-то, книги те брал, уж читал ли, нет – того не ведаю, но явно открывал. Через то и разума лишился, то людишек резал и кровью умывался, черные требы творил, а то в церкви лбом о пол долбился, перед попами на коленях ползал. Грехи, стало быть, замаливал. Только не замолишь грехи-то, молись – не молись, никуда они не денутся, что свершишь, того уж вспять не воротишь. – Старик впился в Алексея колючим взглядом и погрозил пальцем с желтым кривым ногтем. – Страшная эта книжница! Не след туда простому человеку соваться.

– Уж, прямо, такая страшная? – скептически хмыкнул молодой человек, но потом вспомнил последствия своего неосторожного обращения с артефактом в восемнадцатом веке и прикусил язык.

– Молод ты еще дерзить-то мне! – рассердился Чурила. – Знаний твоих с гулькин нос, а посему неча ерепениться. Я тебе добра желаю, как-никак спас меня, да сам с того пострадал. Поэтому как прознаешь про Либерию, сразу туда не лезь. Ко мне придешь, я тебе кое-чего дам, да снаряжу, как следует. Дорогу, вон, проводник укажет.

Старик положил на стол бурое перышко, то ли то же самое, то ли такое же и добавил.

– А я к тому времени, может, придумаю, как твоей беде помочь, проклятие с тебя снять, – и тут же замахал руками на обрадовано встрепенувшегося парня. – Не радуйся прежде времени, может, и нет такого средства, а может и есть, да я не отыщу.

Когда страшный гость ушел, староста попытался подняться, но со стоном схватился за грудь и снова рухнул на пол.

– Стерво! – прохрипел староста, закашлялся, харкнул на пол сгустком крови. – Падаль недобитая!

Не только шевелиться, даже дышать было больно, словно в груди торчали ножки треклятого табурета. Лапше хотелось выть от боли и безысходности. Ведь это ж надо было такому случиться – сам жену отправил ухаживать за больной сестрой, да еще радовался случаю. Помня о тяжелых мужниных кулаках, она уже больше не допекала разговорами, но ее укоризненный взгляд постоянно сверлил спину старосты так, что жгло между лопатками. Вот и отослал Лапша надоевшую хуже грыжи бабу в соседнюю деревню. А теперь что? Ни помочь, ни за знахаркой сбегать, ни попа позвать некому. Лежи тут и подымай, как собака, без последнего причастия. Староста даже заплакал, так ему было себя жалко.

Дышать становилось все труднее, в груди хрипело и булькало, Лапша захлебывался кровью, но не имел сил даже приподняться. Чувствуя, что до утра он может и не дожить, начал молиться и, наверное, впервые в жизни делал это искренне. «Отче наш... иже еси на небеси... да святится имя твое, да придет царствие твое, да сбудется воля твоя...» – бормотали непослушные губы. Умирать не хотелось, тем более, так – без отпущения грехов. А грехов тех накопилось, ой, как много. Сразу припомнились старосте загубленные им или по его доносу люди. Чудилось, что толпятся они вокруг него, да вилами в геенну огненную пихают. Адский огонь уже жжет грудь, врывается в измученное болью нутро, опалает губы. Вот и первая жена тут. Он ее тогда по пьяни ударил, так эта дура даже упасть как следует не смогла, приложила голову об угол печки да и померла. А сейчас ее белое, залитое кровью лицо выплыло из темного угла, ухмыляется злорадно и скалит острые клыки, как у того серба-оборотня.

– Нет! Не возьмешь меня! Не хочу помирать – хрипел Лапша, ненадолго проваливался в мутное забытие, и снова приходил в себя, задыхаясь и кашляя.

Долгая зимняя ночь показалась старосте и вовсе бесконечной. Смерть ходила рядом, тыкала своей косой в грудь, щерилась желтым черепом, но забирать его не спешила. Выныривая из очередного беспамятства, Лапша начинал истово молиться. И, видно, Бог все же его услышал.

В избе заметно посветлело, стало не так страшно, и даже боль в груди немного притупилась. Скрипнули половицы в сенях, раздались шаги, и староста с надеждой уставился на дверь. Вошедший в избу Митроха принес с собой морозный дух и запах мокрого овчинного тулупа, от чего у Лапши закружилась голова, и хриплый кашель снова разорвал грудь.

– Эй, а чего это дверь-то нараспашку? – спросил целовальник, стряхивая снег с лохматого треуха. Увидел старосту и всплеснул руками. – Упился! Ты, че, Тихон ополоумел совсем, ты же в Москву нонче собрался?

Митроха подошел ближе, наклонился над приятелем и, увидев заляпанную кровью бороду и пятна на рубахе, запричитал, закудахтал как курица:

– Охти! Что у тебя случилось? Кто это тебя так, Лапша?

– Митроха, – хрипел староста, – помоги... помираяю... Всю ночь помирал... Оборотень тут был, все добро свое, стерво, забрал.

– Оборотень! – целовальник шарахнулся к двери, губы его дрожали от страха, а глаза обшаривали избу в поисках оружия. – Он тебя покусал?! Ты, че, теперь тоже того... этого?

Митроха, не отрывая ошалевших глаз от старосты, нашарил рукой дверь и уже готов был выскочить вон, когда его остановил крик Лапши.

– Роденький, не уходи... не бросай меня. Не кусал... зубом не тронул... Вот те, истинный крест! Табуреткой он меня пришиб, верно, всю грудь разворотил... Христом богом молю, не уходи... помоги.

Староста захлебнулся кашлем, разбрызгивая кровь и вытирая катящиеся по щекам слезы.

Митроха с опаской посмотрел на приятеля и осторожно приблизился.

– Табуреткой, говоришь. А не брешешь?

– Не...не, – Лапша, всхлипывая, мотал головой. – Христом Богом... Пресвятой Богородицей клянусь... нет.

– Ну, ладно, – целовальник, видимо, поверил и склонился над старостой. – А че делать-то теперь? За Матреной сбегать? Она, чай, знахарка, какой-нибудь травкой напоит, может, полегчает. Или лучше за попом, чтобы, значит, причастил да исповедовал.

– Не... – испугался Лапша. – Не уходи... одного не оставляй... страшно.

– Дык, я-то чего смогу? Какая от меня польза? Глянь-ко, ты кровью харкаешь, как Митька-пастух, когда его бык на рога поддел.

– Ладно, только ты быстро, а то помру, ведь, без попа и без знахарки... – староста скривился от боли, прикрыл глаза и снова впал в забытие.

– Ништо! Ты живучий. Раз ночью не помер, Бог даст – и теперь не помрешь, – махнул рукой Митроха и выскочил за дверь.

Лапша очнулся от того, что его кто-то тормозил и дергал. Сначала испугался и замахал руками, потом узнал целовальника, который со знахаркой бабкой Матреной пытался перетащить его на лавку. Матрена – здоровенная, плечистая тетка, которую в селе все звали почему-то Телепихой – оттеснила бестолково суетящегося Митроху и, крякнув, в одиночку водрузила Лапшу на лавку.

– Эк, отъелся-то, боров, – проворчала она, переводя дух.

От боли в груди у Лапши потемнело в глазах, он стонал, охал, но терпел.

– Как же тебя угораздило так? – сердито спросила Телепиха. – Чай, поди, спьяну навернулся?

Лапша, хрипло дыша, покивал головой – мол, да, спьяну.

–А Катюха твоя где? – продолжала допрос знахарка. – Опять, что ли, из дому выгнал. Вот тебя, дурья башка, Бог-то и наказал. Была бы жена дома, так давно за мной сбегала.

Староста аж зашипел от злости – пользуется, старая карга, что он без сил, вот и куражится.

– Ты давай лечи, а не проповеди читай. Ишь, будет она мужику указывать, как с бабой жить!

Телепиха обиженно поджала губы, но промолчала и, стащив замаранную рубаху, стала осторожно ошупывать украшенную кровоподтеками грудь Лапши.

– Как же ты так сподобился, ровно бык рогами боднул?– удивленно проворчала бабка.

– Пьяный, говорю, был, на табурет упал, а тот ножками вверх валялся, – прохрипел страдалец.

– С полатей, что ли, упал? – скептически хмыкнула знахарка.

– Почему это, с полатей?

– Да уж больно сильно ударился.

– Ты чего тут докапываешься?! Дознатчица выискалась! Лечи, давай, а не языком балабол! – разозлился староста и снова закашлялся.

– А ты, Тишка, не ори на меня. Тебе теперь, не то что орать, говорить не след, чтобы грудь не тревожить, – цыкнула Телепиха и, повернувшись к Митрохе, сердито бросила, – А ты не стой столбом – пошарь в избе, найди холстину подлиннее. Печь затопи, да не сильно, так, малый огонь разведи, чтобы воду согреть.

Пока целовальник возился у печи, знахарка ловко перетянула холстиной грудь Лапши, без особого труда ворочая грузное тело. Староста только кряхтел, охал, да ругался матерно. Потом, сморщившись,пил горячий отвар горьких и пряных трав. Телепиха что-то бубнила себе под нос, изредка поминая Христа Спасителя и Богородицу, кропила Лапшу водой из баклажки,

вытащенной из своей необъятной сумы. То ли от питья, то ли от заговора, а может от тугой повязки полегчало, боль ушла, и старосту стало клонить в сон.

– Ну, чего, тетка Матрена, – донесся до него голос Митрохи. – За попом-то бежать? Помрет Лапша, али как?

«А ведь помру – не пожалеет никто», – с тоской подумал староста. Мысль о том, что плакать по нему уж точно никто не будет, была горькой, но придала силы, и он зло прохрипел:

– Не помру, не надейся! И на сундук-то не косись. Пропадет чего – я и с того света с тебя взыщу.

– Да я че? Я ни че... беспокоюсь, значит, – засуетился целовальник. – Батюшку-то, стало быть, не звать?

– На все воля божья. – Знахарка перекрестилась, поставила на стол кружку с питьем и велела напоить, как проснется. – А ты, Митроха, за бабой его сбегай, пушай она мужа сама выхаживает. Я уж еще загляну – пошепчу, да травки на отвар принесу.

Алексей пробирался по сугробам, стараясь не отстать от колдуна, спина которого с трудом угадывалась сквозь снежную пелену. Не на шутку разыгравшаяся метель слепила глаза, мешала дышать, сыпала за воротник ледяное крошево. Видимо, мело всю ночь, потому что от протоптанных тропинок не осталось и следа. Молодой человек уже жалел, что отказался от предложенных Чурилой снегоступов – непонятные конструкции, сплетенные из ивовых веток, доверия ему не внушили. А теперь он, чертыхаясь, мерил сугробы и едва поспеивал за стариком, шустро шагавшим впереди.

– Ну и погодка! – выдохнул Алексей, останавливаясь около колдуна, присевшего отдохнуть на поваленной березе. – Представляю, что в поле творится, если в лесу так метет.

– Да уж! – усмехнулся Чурила, отряхивая с бороды и усов налипший снег. – Пуржит знатно. Пришлось, однако, постараться, всю силушку истратил, индо в глазах замельтешило.

– Так это ты наколдовал? – недоверчиво спросил молодой человек.

– А ты, никак, сумлеваешься? – обиженно вскинулся старик. – Что делать-то было? Ты вокруг села так наследил, ровно стадо бешеных коров бегало. Разве каждый след затрешь-заговоришь? Вот и пришлось поднатужиться.

– Ну, ты силен! – Алексей постарался, чтобы голос звучал не слишком скептически – обижать старика не хотелось. – А мужики говорили, что ранние морозы и снегопады – это твоих рук дело. Правда, что ли?

– Моих, не моих – это дело десятое. Сами они себе беду накликали, людишки-то. Ведь как живут?! Кому молятся?! – Глаза старика вспыхнули таким яростным фанатичным огнем, что стало неуютно. – Иноземному распятому рабу кланяются, а своих исконных богов забыли! А без богов-то, без их силы, да призору хиреет Земля Матушка. Скоро и вовсе рожать перестанет. А людишки все больше забывают изначальные-то обычаи, что дедами да прадедами установлены были. На землю плюют, харкают, в огне святом, что в печи горит всяку дрянь жгут. До чего дошли – мужики баб бьют! Да разве после этого будет земля рожать?

Колдун вскочил, затряс кулаками, встопорщил бороду.

– Вот, уж, проснутся старые боги, да не абы кто, а сильнейшие! Они тогда всех переберут, кто в чем повинен... наведут порядок... Я...

Старик внезапно осекся, хмыкнул, косо глянул на Алексея и проворчал:

– Будет языком-то трепать, поспешать надо. А то до ночи в Москву-то не придешь.

И, не оглядываясь, проскользнул под еловые ветки, да так, что ни одна не дрогнула. Словно и не человек был, а бесплотный дух.

Прощаясь на опушке, Чурила грустно вздохнул:

– Ты уж не забывай старика, заходи. Коли не заладится с поисками, может, придумаю чего. Есть у меня мыслишка одна. Только уж больно ненадежная.

Старик махнул рукой и исчез в лесу.

Метель стихла, заметно похолодало, мороз пощипывал щеки, хватал ледяными пальцами за уши, а изо рта валили клубы пара. Вынырнув из очередного перелеска узкая, в одни полозья, дорога влилась в широкий оживленный тракт. Алексей облегченно вздохнул – он уже начал опасаться, что Чурила завел его не туда. Но теперь было ясно – большой город близко. Ехали дровни, груженные разнообразной кладью, торопились по каким-то важным делам группы конных стрельцов, пролетел, разбрасывая комья снега, расписной возок, поставленный по зимнему времени на широкие полозья. Самый разномастный народ двигался в обоих направлениях. Не улица современного города в час пик, конечно, но дорога была оживленной, и на одинокого путника внимания никто не обращал. Только лошади всхрапывали и косили настороженным глазом.

Алексей подумал, что надо было спросить у колдуна, нет ли какого-нибудь средства от этой напасти. А то время такое, что приличные люди пешком не ходили. Вон, бояре даже в соседний терем верхом ездили, а безлошадного и за человека не считали. Да и неудобно это, когда от тебя каждая кобыла шарахается, а собаки рычат или воют как по покойнику.

По обе стороны тракта тянулись посадки. Приземистые домишки, почти по крыши занесенные снегом, сбивались в кучки, как грибы на лесной полянке. Кучка от кучки стояли далеко, видимо, их окружали огороды и выпасы, сейчас занесенные снегом.

В морозном воздухе плыли запахи дыма и конского навоза. От этой едкой смеси слезились глаза, хотелось чихать, и молодой человек проклинал свое волчье чутье. Время от времени, правда, долетал аромат свежее испеченного хлеба, от чего в животе начинало урчать, а рот наполнялся голодной слюной. Есть хотелось невероятно – нехитрый завтрак в избушке колдуна молодой организм уже давно переварил. Алексей старался не бросать на лошадей слишком уж плотоядные взгляды и прибавлял ходу, торопясь попасть в город. Знакомый Сен-Жермена держал трактир, и, значит, с едой проблем не будет.

Дорога пошла в гору, обгонявший молодого человека мужичонка зачмокал, понукая лошадь. Та шла с трудом, скользила копытами по наледи, мотала головой и всхрапывала. На горе воз встал, и Алексей увидел еще несколько дровней, топтавшихся рядом людей и знакомые фигуры с бердышами, только на сей раз кафтаны на стрельцах были не коричневые, а грязно-синего цвета. Увидев рогатки, Алексей понял, что впереди застава, и придется раскошелиться, чтобы избежать ненужных вопросов. Однако стрельцам было явно не до него, они азартно ругались с купцами, чьи воза перегораживали дорогу, старались содрать лишнюю копейку себе на пропой. Только один здоровенный детина с пищалью на плече стрельнул в его сторону подозрительным взглядом, дернулся, было, остановить, но тут же отвернулся, боясь, наверное, упустить свою долю. Молодой человек облегченно вздохнул – ввязываться в очередные неприятности не хотелось, шустро проскользнул мимо, прикрываясь возом с сеном, и бодро зашагал дальше.

С пригорка город был виден как на ладони. Знакомый по историческим фильмам и иллюстрациям в учебниках, и в то же время чужой – иной мир. Широко раскинулось море деревянных изб, заборов, теремов, затянутое, как туманом, сизым дымом. И над этим фантастическим миром зыбких теней плыли золотые маковки церквей и, словно, маяк торчала колокольня Ивана Великого, поблескивая на солнце ярким огоньком купола.

В спину толкнули, обругали, что, мол, застыл столбом, рот разиня. Алексей оглянулся, увидел пару бородатых мужиков, тянувших лошадь, впряженную в груженный доверху воз. Лошадь храпела, упиралась, не желая приближаться к стоящему посреди дороги зверю. Парень опомнился, отскочил в сторону, освобождая проезд, и пошел к городу.

Окраины столицы ничем не отличались от посадов, те же приземистые курные избы, частоколы, да загаженная навозом дорога. Но постепенно избы стали более добротные, выросли и заборы, скрыв от глаз дома и дворовые постройки. Зато улицы стали уже и грязнее.

Желто-бурый от навоза, плотно утоптаный снег казался экзотическим дорожным покрытием. На сугробах, на заснеженных крышах лежал слой сажи и копоти, и зимний город был не белым, а серым. Такими же серыми были спешившие по своим делам люди в длиннополых кафтанах, надвинутых на глаза шапках с угрюмыми, озабоченными лицами. На чужака косились недобро, с подозрением оглядывали с ног до головы, словно оценивали справную одежду и оружие или мерку для домовины¹⁰ снимали.

Алексей поживался, отводил глаза, думая, в какой же неуютный мир он попал. «Вот тебе, и Белокаменная Москва, – с недоумением размышлял молодой человек, представлявший русскую столицу XVII века по картинам Васнецова. – И где же расписные терема, стрельцы в разноцветных кафтанах, улыбочивые, румяные женщины в пестрых платках?» Серо-коричневый мир был насквозь пропитан едким дымом, который струился из волоковых окон, плыл по узким улочкам, цеплялся за частоколы. На миг Алексею почудилось, что это и не дым вовсе, а паутина, опутавшая город. Она тянула серые нити от дома к дому, от забора к забору, ключьями свисала с закопченных крыш, липла к рукам, лицу. И большие мохнатые пауки уже бежали, перебирая лапками, норовили забраться за ворот, цеплялись за волосы. Алексей вздрогнул, к горлу подкатил комок, закружилась голова, и он привалился к забору, стараясь справиться с дурнотой. Ощущения омерзения и ужаса были настолько сильными, что захотелось немедленно вырваться из липких тенет и с воем бежать прочь из паучьего гнезда.

Внезапно видение исчезло, мир снова стал обычным, серым и унылым, но без этой потусторонней жути. «Морок!» – мелькнуло в голове. Парень скрипнул зубами, сплюнул горькую слюну и, отдышавшись, пошел дальше. Впереди показался полузанесенный снегом ров с деревянным мостиком, а за рвом вздыбился вал с крепостной стеной и шестиугольными деревянными башнями. «Стена Земляного города! – вспомнил Алексей. – Это же, по сути, граница Москвы».

Построена крепость была сравнительно недавно, уже при Борисе Годунове, и прозвана в народе Скородомом, за то, что сооружалась в спешке, но весьма основательно – мощная стена из огромных бревен, глухие башни и бойницы, в которых виднелись жерла пушек. Растущая Москва выплескивалась за границы Земляного города, широко растекалась посадами и слободами, улочками и переулками, но, собственно, столица начиналась за Скородомом. Там, подумалось Алексею, будут и терема и каменные палаты, и широкие улицы. Там, дальше – и Белый город, и Китай-город, и сам Кремль. Молодой человек повеселел и забыл и о своей тоске, и о странных видениях.

У ворот уныло топтались замерзшие стрельцы и, чтобы хоть немного согреться, выбивали дробь подкованными каблуками.

– Кто таков? Откуда будешь?

Рыжебородый стрелец, поигрывая бердышом, заступил Алексею дорогу. Видно было, что служивые застыли на морозе и рады сорвать свое дурное настроение на чужаке.

Молодой человек горестно вздохнул, смиренно опустил глаза и рассказал о том, что сам он – серб, и в Москву идет, чтобы поклониться православным святыням и изучить церковные книги. Прибился дорогой к купеческому обозу, но в кабаке напился и проспал, а купцы не разбудили, уехали и коня свели. Может, конечно, и не купцы коника украли, а кто другой позарился. Еле добрался до Москвы один и пеший.

Алексей шмыгнул носом и взглянул виновато на стрельцов, вот, мол, такая беда приключилась. Глаза у служивых потеплели, тот, что постарше, даже встопорщил в улыбке седые усы. Видимо, поняли Алексея и посочувствовали. Да и какой русский мужик не посочувствует бедолаге, что по пьянке в беду угодил? С кем такого не было? Только рыжий, по-прежнему загораживающий проход, глядел все так же хмуро и недоверчиво.

¹⁰ Домовина – гроб.

– Не похож ты, что-то, ни на богомольца, ни на книжника. Роба у тебя больно скромная, да и плечики эвон какие. С такими плечами не книжки читать, а топором махать. Сдается мне, врешь ты, паря!

– И верно, какой из меня книжник? – усмехнулся Алексей, но, увидев злой блеск в глазах стрельца, подавился смешком.

Мысли заметались в поисках подходящей версии и, как это бывало раньше на экзамене, его осенило. Он в упор взглянул на рыжего и твердо сказал:

– Я не книжник, а воин, но Бог иной раз нам пути указывает, о которых мы сами и не думали. На моей родине – в Сербии – хозяйничают турки, мается, стонет народ под басурманским игом. Православные церкви в запустении стоят, а книги церковные турецкие янычары пожгли, порубили. Как служить-то без книг? Вот и оскудевает вера христианская. Подумали, поразмышляли наши старейшины, да и собрали в Московию малое посольство от всего народа православного, чтобы, значит, здесь книг церковных прикупить. Не великое посольство: два монаха-книжника, да три человека для охраны и почета.

Только дорогой все, кроме меня, стинули – кого турки посекали, кого лихие люди прибили. А вот учитель мой, что дорогой меня грамоте да святому писанию учил, совсем немного до Москвы не доехал – захворал и помер. – Алексей всхлипнул, сдернул с головы шапку и перекрестился. – Вот с того я и запил, да, видно, не один день пил, с горя-то. А потом опомнился – ни обоза купеческого, ни коня. Хорошо, что одежду не пропил, да и деньги, что на книги всем миром собирали, сберег. Видно, не совсем разум отшибло. Опомился, я значит, кваском похмелился и решил дело, на которое люди нас послали, исполнить. Чтобы, значит, соратники мои и учитель не зря головы сложили. Или ты бы по-иному поступил?

Алексей вызывающе посмотрел на стрельца. Тот почесал в затылке и хмыкнул.

– Вот оно как! Стало быть, за книжками к нам идешь? – Чувствовалось, что стрелец никак не может решить, верить или не верить чужаку. Если уж врет, то больно складно.

– Да ладно тебе, дядька Сидор! Не видишь, за делом человек на Москву пришел? Ради веры православной такой путь проделал, а ты у него душу расспросами изымаешь, – возмутился самый молодой из стрельцов, еще совсем мальчишка, только усы пробиваться начали.

– И верно, Сидор, чего уж там, пусть идет, куда надобно, – добавил седой.

– Это верно... – протянул рыжий. – Только куда надобно-то? По делу-то бы, в Посольский приказ его проводить, а там пушай сами разбираются. Да только уж вечереет, поди, и нет никого в приказной избе.

– Мне в Немецкую слободу надо. – Алексей вопросительно взглянул на стрельцов. – Как пройти туда? У меня письмо к одному человеку тамошнему, чтобы, значит, всяческую помощь оказал.

– Ну, так тебе в город-то и ходить не к чему, – облегченно вздохнул рыжий. Видно, уж очень ему не хотелось пропускать подозрительного иностранца. – А в Немецкую слободу тебя Фома проводит. – Стрелец кивнул на молодого, – и дорогу покажет, и... для сохранности, стало быть. Только поспешайте, а то стемнеет, улицы рогатками перегородят, и до места не доберетесь.

Когда Алексей с провожатым добрались до Немецкой слободы, солнце уже скрылось за домами, разбавив напоследок кроваво-красным светом унылую серую гамму городских улиц. На колокольне одной из многочисленных церквей ударил колокол, ему ответили сразу несколько в разных концах города. В гулкие удары вплелись веселые подголоски, и перезвон уже катился по Москве, отражаясь от домов и крепостных стен, метался в узких улочках, рвался в багровое небо.

– К вечерне звонят! – забеспокоился молодой стрелец и, попросившись, поспешил обратно.

Стоявший у ворот усатый солдат с мушкетом на ломаном русском поинтересовался, что нужно господину в Немецкой слободе в столь поздний час. Услышав имя Николы Фрязина, он уважительно покивал головой и без лишних расспросов пропустил Алексея, подробно объяснив как добраться до трактира.

Молодой человек так устал, что ноги казались деревянными, поэтому осмотр достопримечательностей этого «островка западной цивилизации», он решил оставить на завтра. Тем более на первый взгляд улицы Немецкой слободы мало чем отличались от предместий Москвы. Тот же желтый от конской мочи и навоза снег, те же деревянные дома и заборы. Разве что копоти было поменьше, да не громоздились у заборов кучи мусора.

Трактир Николы Фрязина оказался популярным на слободе заведением. Просторное помещение, заставленное длинными столами, было полно народу. Люди, в основном одетые в иноземное платье, пили, ели, обсуждали свои дела. Стоял тот характерный разноголосый шум, который отличает все питейные заведения, когда хватившие хмельного люди начинают говорить громче обычного, эмоции, не сдерживаемые рассудком, вырываются или гневными выкриками их раскатистым смехом.

Алексей прошел к стойке, за которой высокий, широкоплечий мужчина лет сорока вытирал стаканы. Глубокий шрам на щеке, серьга в ухе и черный платок, завязанный узлом на затылке, делали его похожим на пирата. А может, он и был им в пору молодости.

– Что угодно господину? – трактирщик окинул молодого человека оценивающим взглядом. – Желаете пиво, водку или благородное вино? Есть отличное красное из Италии. И, конечно, хорошую закуску к нему. Рекомендую бараний бок с чесноком и лапшу. Если уважаемый гость соблюдает пост, то могу предложить тушеную капусту с луком и грибами.

Алексей улыбнулся, подумав, что трактирщики во все времена одинаковы – любезны, гостеприимны и хлебосольны. Если, конечно, посетитель при деньгах.

– Спасибо, уважаемый, я обязательно воспользуюсь вашим предложением, выпью и съем все, что вы поставите на стол. Устал и голоден как волк. Но сначала мне хотелось бы поговорить с хозяином этого заведения Николо Фрязиным.

– Он перед вами. Чем могу служить? – радушная улыбка на лице трактирщика сменилась деловой заинтересованностью.

Алексей отдал письмо Сен-Жермена, изрядно помятое и, кажется, даже забрызганное кровью, оно, однако, сохранило графскую печать. Взглянув на отгиск, трактирщик побледнел, его рука дернулась, словно он хотел отбросить ядовитую змею, но сдержался и дрожащими пальцами распечатал письмо.

– Так... – протянул Николо, выдохнув сквозь стиснутые зубы. – Значит, так...

«Эге, – подумал Алексей, – а мужик-то явно не обрадовался известию от своего «друга». Опять их сиятельство мне свинью подложил. Как бы по шее не получить вместо обещанной помощи».

Прочитав письмо, трактирщик, вроде бы, успокоился, даже облегченно вздохнул. Улыбка, хоть и несколько натянутая, вернулась на его лицо.

– Ученик господина графа... желанный гость, – Николо запнулся на слове «желанный», но поклонился довольно любезно. – Мы поговорим о вашем деле без посторонних ушей.

Хозяин провел молодого человека в небольшую комнатку за стойкой и накрыл на стол. От одуряющего запаха мяса с чесноком потекли слюнки, захотелось сразу вцепиться зубами и, урча, все это слопать. Но Алексей, вспомнив уроки куртуазного восемнадцатого века, благовоспитанно сложил руки на коленях и терпеливо ждал, когда хозяин разольет вино. Наблюдая как густая, темно-красная жидкость наполняет бокалы, думал, что вино сейчас явно лишнее. На голодный желудок после целого дня беготни по морозу он рискует запьянеть с первого бокала, и серьезного разговора не получится. Да и не доверял молодой человек трактирщику – уж больно странной была его реакция на письмо Сен-Жермена, но причин отказать от

выпивки и не обидеть хозяина не находил и надеялся, что если вино отравлено, то яд на оборотня, скорее всего, не подействует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.